

6/94
50 коп.

500

АРАБ ШАМИЛОВ

КУРСКИЙ ПАСТУХ

ОГИЗ-МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 193

АРАБ ШАМИЛОВ

КУРДСКИЙ
ПАСТУХ

РИСУНКИ И ОБЛОЖКА САРЫ ШОР

1931

ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Поступило в производство 4/IX.
 Подписано к печати 8/Х.
 Редактор: Т. Гриц.
 Тех. редактор: Ю. Поликовская.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Глава 1. Моя семья. Раннее детство	3
„ 2. Наш ослик. В пастухах у молокан	6
„ 3. Нападение волков	11
„ 4. Зачем нужна вилка?	17
„ 5. Первая учеба. Моя метрика	20
„ 6. У курдов. Весенний праздник „Баро-дан“	25
„ 7. На летних кочевках	30
„ 8. Наши игры	32
„ 9. Заготовка молочных продуктов	34
„ 10. Возвращение с летних кочевков. Осенний праздник „Бэ-ран-Бэрдан“	36
„ 11. Пропавшие бараны. Смерть брата	40
„ 12. В городе. Империалистическая война	45
„ 13. Любовь и сватовство	49
„ 14. В Турции. Курдская поэма „Сиябанд и Хадже“	53
„ 15. „Прошу вас, не делайтесь жертвой моей пули“. Возвращение домой	58
„ 16. В партии	61

М.Г. № 2126. Инд. Д-71. 2 п. л.

Уполн. Главлита Б 11464

Тираж 10.000

Типо-литография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18. 7349

*Посвящаю курдской молодежи—
комсомолу, которому предстоит
перестроить свою жизнь по-новому,
по-социалистическому.*

Араб Шамаевич Шамилов

1. МОЯ СЕМЬЯ. РАННЕЕ ДЕТСТВО

Шамо Шамиль был безземельный курд племени Гасани. Он пас чужой скот в Сурмалинском уезде, бывшей Эриванской губернии. Когда умерла его жена, он взял своих двух сыновей — Бро и Давреша — и ушел совсем из Сурмалинского уезда.

Итти ему было нелегко, так как обоих сыновей он нес на руках. Бро было три года, а Даврешу два. Хорошо, что у Шамиля больше не было никакого имущества.

В греческом селе Азат, недалеко от Карса, он нанялся в пастухи к одному греку, Тодору, а у этого грека жила в работницах безродная курдинка, девушка Майане. Шамо Шамиль захотел жениться на ней.

Тодор знал, что курды покупают жен. Все родные Майане умерли от холеры. Безродная работница принадлежала хозяину. Тодор заявил, что отдаст Майане лишь при условии, если Шамиль будет пасти его скот два года бесплатно, как раб. Шамо Шамиль пристально посмотрел на Майане еще раз и обрадовался, что так недолго ему придется отработать за такую хорошую жену.

Веселая свадьба была отпразднована в мараке — фуражном амбаре, где хранили солому и сено на зиму для скота.

Майане стала ходить по домам на разную работу, пряла шерстяную пряжу, ткала «паласы» (ковры), а у себя в мараке успела родить дочку Чичак, дочку Гоги и сына — меня, Араба Шамиля. К Даврешу и Бро, чужим детям, моя мать относилась грубо. Но мы, дети, быстро подружились, и я любил своих братьев, а они меня.

Шамо, наш отец, всю зиму нанимался ко многим хозяевам ухаживать за скотом. Уж очень велика стала семья. Перебиваясь изо дня в день, отец и мать прокармливали нас. В нашем мараке печь («тундырь»), зарытая в земле, каждую зиму оставалась нетопленной по многу дней. Так как у нас не было своего скота, нам и нечем было отапливаться. Ведь в наших местах нет лесов. У нас топят сухим скотским навозом, смешанным с соломой, — кизяком.

Часто мать, нанимаясь на поденную работу, договаривалась, чтобы нас, малышей, пускали посидеть на конюшне или в хозяйском овчарнике. Зимой среди скота бывает тепло... Однако ни один хозяин не пускал нас греться даром. Пока мать работала, нам приказывали садиться у овечьих колод. И долгий день мы, голодные, подбирали с земли и подбрасывали овцам корм, а они, когда ели, по обыкновению разбрасывали его себе под ноги. Не будь нас, овцы стоптали бы много дорогого корма.

В свободные минуты мы вырезали маленькие кизяки для хозяйской печи. После работы мы с матерью, сильно уставшие, спешили в наш холодный марак. Как только я стал немного понимать, мне захотелось быть пастухом. Мои братья уже ходили в поле на помощь отцу и были подпасками; отец учил их, как нужно пасти скот.

Моя первая просьба была уважена. С отцом и старшими братьями рано утром я отправился пасти барашков. В этот день с нами пошла и мать, чтобы познакомить нас со съедобными травами: «спынк», «тршо», «мэндык» и «пэ-каск». Этими травами должны были кормиться мы, пастухи.

Мать ходила с нами около недели и оставалась в поле не больше трех-четырех часов. Как только мы хорошо познакомились с травами, она перестала ходить с нами. Каждое утро мать давала нам по равному куску лаваша (хлеба), немного соли, и мы кушали траву с хлебом. Мои братья часто забывали приметы годных трав и обращались ко мне. Часто мать меня хвалила и говорила, что у меня хорошая память и что когда я вырасту, то наверное буду писпор — главный пастух, знаток.

Отец показал нам, какие травы вредны баранам, какие хороши, от каких трав у баранов заводятся глисты и они заболевают, как нужно охранять овец от волков, как лечить травами заболевших баранов.

Первоначально мы собирали травы только для себя и ели в поле с хлебом, но потом мать стала учить нас собирать и другие травы — «спидак», «гульк» и «ссо». Эти травы мы сушили и заготавливали на зиму для добавки в пищу. Каждый из нас получил отдельную сумку и задание принести с поля определенное количество травы. Мать перебирала наш сбор, сплетала в косы, высушивала и складывала в зимние припасы.

Когда мы подросли, мать поручала нам заготавливать в поле кизяк и таскать его понемногу домой.

Мы подбирали в поле подсохший помет, мочили его в воде и лепили кирпичики. Под жгучим солнцем кирпичики высыхали до вечера, и мы относили их домой. Каждый из нас должен был в день делать по десять штук, но я часто не выполнял этого задания. Мне не нравилось копаться руками в навозе, как в тесте, и за это мать часто бранила меня и наказывала.

Кизяк и травы немного облегчили наше существование в наступившую зиму. Отец и мать часто любовались нами, так как в поле мы не теряли напрасно времени, а усердно искали лучшие травы и заготавливали кизяк.

Осенью, полуголые, мы очень страдали в поле от холода, дождей и града. С нетерпением мы ожидали выпадения

ния первого снега, чтобы больше не ходить в поле. Так прошел первый год нашей пастьбы.

Наша домашняя постель была из соломы. Ее набрасывали ровным слоем на пол и покрывали «касилом», сплетенным из очень мягкой травы. Под головами вместо подушки прибавляли той же травы; покрывались широким и длинным старым паласом. Мы, дети, спали вместе в ряд, и между нами часто происходили споры: каждый, спасаясь от холода, хотел попасть в середину. Мне как наименьшему часто уступали это почетное и теплое место.

Впервые в эту зиму в нашем мараке было топливо, и мама с радостью топила тундырь. Мы рассаживались вокруг и грелись. Как только кончалось приготовление обеда и выпечка хлеба, мама накрывала тундырь нашими паласами, чтобы он не остыл и сохранил свое тепло на ночь. По вечерам мы садились вокруг тундыря, опускали в него ноги и грелись. На тундыре мама готовила пищу из заготовленной летом травы пополам с мукой или пшеницей. С травой приготавлила «тршое кэланди», с пшеницей — «данну», из муки — «хашил», из жареной муки — «дэв шаути», очень много разных блюд.

За пастьбу коров отец мой брал по полтора и 2 кило пшеницы в год и от пяти до десяти копеек за каждую штуку. Он должен был пасти с первых чисел апреля до выпадения снега — до последних чисел ноября.

2. НАШ ОСЛИК. В ПАСТУХАХ У МОЛОКАН

Собранную за пастьбу скота пшеницу отец понемножку таскал в мешках на спине на мельницу. Ему очень хотелось иметь осла.

— Тогда все дело наладилось бы, — говорил он часто.

Без своего рабочего скота нам было очень тяжело, из-за всякого пустяка приходилось кланяться соседям. Кулаки хотя и дадут осла, но не даром: нужно было за это отработать один или два дня. Чтобы купить осла, отец ежегодно

стал откладывать по одному или по два рубля. За четыре года шесть рублей были завязаны в тряпочку большим узлом и положены в жестяную коробку из-под мясных консервов. Жестянка была спрятана в чересседельный мешок — хурджин.

— Еще три или четыре рубля, и будет осел, — говорил отец.

Часто он развязывал заветный узелок и высypал драгоценную медь. Вместе с матерью он принимался пересчитывать. При пересчете они ошибались и начинали считать заново. Иногда зимою, просыпаясь ночью, мы видели, как мать с отцом пересчитывали деньги, складывали рубли отдельно из пятакков, из двуккопеечных и трехкопеечных монет... Потом прятали узелок в жестянку, а жестянку — в хурджин.

Этой зимою отец нанялся в работники к богатому греку Побле Триандафилову, у которого была мельница и много скота. Сын Триандафилова был офицером. Весною, в марте месяце, отцу заплатили четыре рубля, а за хорошую работу особо подарили старую шинель, в которой он всю зиму работал. И вот наконец-то была куплена ослица. Мы окружили животное и с восторженными криками ввели его в марак.

Эта ослица, любимица всей семьи, летом принесла нам осленка. Мы очень заботились о своих осликах и с жаром принялись запасать зимний корм. Все лето усердно работали, понемногу рвали траву, сушили ее и по вечерам привозили домой на большом ослике; так мы постепенно заготовили корм на зиму. Осел был большим подспорьем в нашем хозяйстве: он возил с поля кизяк и съедобную траву, отвозил на мельницу тяжелые мешки с пшеницей.

В то время я был уже хорошим подпаском, и отец часто оставлял меня с братьями в поле, доверяя нам все стадо, а сам уходил домой. Прошел год, и братья стали самостоятельными пастухами, а я остался у отца первым подпаском. Жили мы на новом месте — в селе Александровском.

Вскоре после того радостного дня, когда мы приобрели ослика, крестьяне отказали отцу в пастьбе, и мы переехали в соседнее село.

Вот тут-то пригодился ослик! Он перевез все наше имущество — палас, касил, котелок, постельную траву и разные мелочи.

Село, в которое мы переехали, раньше называлось у курдов Комацар, а новые поселенцы, русские сектанты молокане, назвали его Александровским. Село это (в семи километрах от города Карса) было расположено очень живописно, на самой большой реке Карской области — Карсачай. По берегам реки тянулись обширные пастбища, как громадные пестрые ковры из цветов; дальше хорошо возделанные поля зеленели правильными квадратами и прямоугольниками; их пересекали оросительные каналы, блестящие на солнце, как серебряные полосы. По другую сторону села находились прекрасно возделанные огороды, где молокане садили картофель, капусту, морковь и другие овощи. Александровка утопала в зелени и цветах; весной, во время цветения фруктовых деревьев, аромат распространялся по всей долине.

Хорошо жилось молоканам, и земли у них были благодатные! Ведь все русские села в Карской области были построены на самых лучших землях, и молокане получили в свое время от 5 до 8 десятин на душу.

Александровка резко отличалась от соседних армянских, тюркских и греческих селений своей культурностью. Молокане были прекрасными хлебопашцами: они пользовались более усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями, пахали поля двухлемешными плугами, сено косили сенокосилками и собирали большими конными граблями, в которые впрягали по две-три лошади. Посев пшеницы, ячменя и других злаков производился рядовыми сеялками на поливных участках. Не удивительно, что хлеб родился у молокан гораздо лучше, чем в соседних селах. Приятно было глядеть на их прекрасно возделанные поля. Благодаря оби-

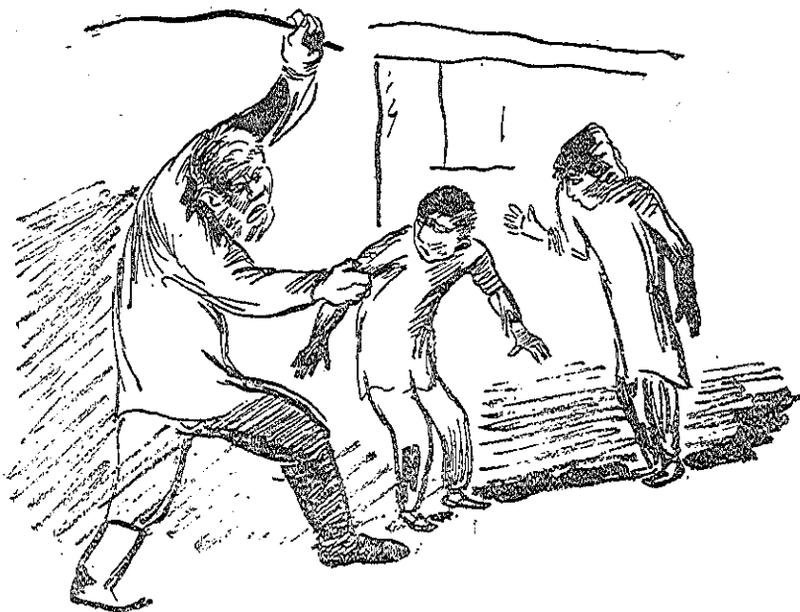
лию корма молокане держали много скота, и из села на пастьбу выходили два стада овец, два стада коров, одно стадо рабочих быков, одно стадо молодняка — гулевого скота (не пригодного еще для работы и убоя), два стада телят и один табун лошадей.

Жители села Александровского делились на две секты: молокане постоянные и молокане-прыгуны. Каждая секта составляла отдельный приход со своим попом-пресвитером. По воскресеньям прыгуны собирались в молитвенный дом и «прыгали» под песни и псалмы, состоявшие из бессмысленных слов, например:

Город чудный, превеликий
На евратских берегах,
Обманул плут лукавый,
Ослепил им глаза.
Малый люд идет направо,
А налево—всей толпой...

Учение молокан, основанное на евангелии, гласило: «Люби ближнего своего», «Помогайте друг другу». Все молокане называли друг друга братьями и сестрами. И тем не менее я видел у них много зла и жестокости. Молокане себя называли «божественными», а всех других людей считали какими-то нечистыми и скверными существами. Молокане-кулаки, «благодетели», как их иногда называли в насмешку, страшно эксплуатировали и нас и своих односельчан-бедняков и подчас жестоко били малышей-пастухат; случалось, что после таких побоев мы несколько часов лежали без сознания. Я знал и взрослых пастухов, которым «благодетели»-молокане поломали руки, ноги, ребра. Помню например, что в Александровке жил пастух Мсто, которому кулак Матвей поломал руки, кажется, за то, что он с опозданием пригнал быков, а может быть, и за то, что два быка попали к нему в огород, — точно не помню.

Богаче всех был пресвитер секты постоянных молокан некий Селиверстов; он же был старшиною. Пресвитером секты молокан-прыгунов был Матвей Лукерин, самый жестокий эксплуататор бедноты.

Не мы одни пасли громадные стада молокан; кроме нас, было еще несколько пастухов, которые также влачили довольно жалкое существование; но они были большей частью люди бессемейные или малосемейные и поэтому жили несколько лучше. Взрослый бессемейный пастух мог прожить на свой заработок: он был сыт и одет. Помню одного из этих пастухов, двадцатилетнего Джавое Пир-Кале, который очень дружил с моим отцом. В зимние вечера он иногда приходил к нам и рассказывал детям интересные истории из своей жизни; мы все его очень любили за открытый и приветливый нрав и вовсе не обижались, когда он дергал шалуган за ухо, чтобы водворить тишину в комнате. Он жив до сих пор, и я виделся с ним не так давно в селе Большой Джамушлу, в 7-м участке Ленинанканского уезда; встречаясь со мною, он часто вспоминает, как учил меня когда-то уму-разуму.

3. НАПАДЕНИЕ ВОЛКОВ

Осенью вблизи нашего села часто появлялись волки. Они таскали из стада баранов. Мои родители всегда беспокоились за целостность стад, которые мы пасли; в особенности они боялись за меня, зная, что такой малыш вряд ли сумеет отбиться от волков. Когда я вечером пригонял стадо и при проверке оказывалось, что все бараны целы, отец и мать громко повторяли «шыкыр-ж-худе», т. е. «слава богу, что и сегодняшний день прошел без ущерба для нас».

Когда травы в поле начинали засыхать, жить становилось труднее. Без съедобных трав, которые составляли существенную часть нашего питания, мы никак не могли наесться досыта, и это голодное время продолжалось до тех пор, пока не поспевала пшеница. Тогда мы могли утолять свой голод поджаренными зернами. Сорвав пучок колосьев, мы солому поджигали спичкой и затем переворачивали пылающую солому палкой из стороны в сторону, не давая колосьям сгореть: так поджаривалась пшеница в своем же пламени. Затем мы без промедления разбрасывали костер, чтобы зерна могли остыть и чтобы не загорелась пшеница в поле. Хорошо поджаренные зерна разминались в подоле, и получалось довольно вкусное кушанье, по-курдски «калинок».

После уборки пшеницы нечем было поживиться на опустевших полях; стряпать «калинок» не приходилось. Зато в огородах поспевала картошка, и мы каждое утро выпрашивали у молоканок по несколько картофелин. Если хозяйки скупались и прогоняли нас с пустыми руками, то мы, побуждаемые голодом, тайком пробирались в огороды и воровали. Так или иначе, а картошка была добыта; мы собирали кизяк, складывали его в кучу и разжигали; голодные, мы с нетерпением ждали, пока прогорит костер и можно будет положить картошку в оставшийся жар. Печеный картофель ели с наслаждением, посыпая его солью, захваченной из дому. Если мы воровали, то только по нужде. Ведь па-

стухи получали свою заработанную пшеницу не раньше осени, по окончании пастьбы, а до этого срока надо же было чем-нибудь питаться! Часто бывало просишь-просишь хозяек дать хоть что-нибудь поесть; некоторые из них охотно давали нам хлеба, а другие отказывали, и это бывало гораздо чаще!

Среди молоканок у меня была доброжелательница, тетя Параша, которая очень любила меня: повидимому ей жаль было мальчугана, который, скорчившись от холода, гнал осенью на рассвете свое стадо баранов. Два-три раза в неделю тетя Параша украдкой давала мне хлеба или соленых огурцов. Детей у нее не было. Часто по вечерам, после пригона стада, она зазывала меня к себе и кормила остатками щей от обеда. Тетя Параша была исключительно добрая женщина — другие молокане не пускали нас даже на порог избы.

Так постепенно подходила глубокая осень, начинались дожди и холода, а подчас и густые туманы. К этому времени все полевые работы заканчивались, и, кроме пастухов, никого в поле не было. Но я не чувствовал себя одиноким: со мною всегда ходил мой верный друг, овчарка Каврэш, что значит по-русски: «черноголовый». Я очень любил Каврэша, и он ни на шаг не отходил от меня.

Отец предупреждал меня не раз, что осенью пастух должен глядеть в оба: волки голодные, злые — того и гляди загрызут и уташат барана. Он заботливо учил меня, как отбиваться от волков. Каждое утро, когда я собирался со стадом в поле, отец продырявливал посредине несколько сухих сосновых чурок, которые клал в мой мешок. Я уже знал, что такие чурки легко загораются и дают большое пламя; знал я также со слов отца, что в случае нападения нужно ткнуть пылающей чуркой прямо в морду волку — тогда он убежит.

Однажды, в холодный туманный день, я погнал стадо в поле. После несытного завтрака мне уже опять хотелось есть, а между тем кусок хлеба, который мать, провожая

меня, положила в мешок, был очень мал. Я разделил хлеб пополам и съел одну половину, а другую отдал Каврэшу. Но этот небольшой кусочек не насытил меня, а только раздражил аппетит. Время шло к обеду, голод меня мучил, а мешочек был пуст. Что делать? Я подогнал стадо к огородам и, крадучись, накопал себе картошки; затем опять отогнал скотину в поле, подальше от огородов и поближе к той пещере, где у меня был припасен кизяк в укромном месте, защищенном от дождя. Достав кизяк, я разжег костер, согрелся и в приятном нетерпении поджидал тот момент, когда костер прогорит, чтобы на оставшемся жаре спечь картошку. С одной стороны костра пламя заметно уменьшалось, и я поспешил положить туда несколько картофелин.

Вдруг я заметил, что мой Каврэш поднялся, насторожил уши и стал вглядываться в туман. Сердце мое почувало, что надвигается опасность, но я был слишком голоден, мне жаль было оставить картошку! Я не пронулся с места и только легким свистом дал сигнал Каврэшу, который с визгом и пронзительным лаем бросился в туман. Я стоял около костра в нерешительности, чутко прислушиваясь к лаю своего пса, и в то же время смотрел голодными глазами на полуиспеченный картофель. Сердце мое сильно билось. Кто там в тумане? Волк или воры? Более опытный пастух сразу понял бы по лаю Каврэша, что собака чует волка, а не постороннего человека. Так прошло несколько минут, потом появился Каврэш и с громким лаем кинулся ко мне, как бы желая что-то сказать, и опять побежал прочь и скрылся в тумане.

Я понял, что случилось несчастье, и заторопился. Дрожащими руками надел я сосновую чурку на палку, но от растерянности забыл зажечь ее и побежал вслед за собакой. Вскоре я увидел двух волков. Один из них уже успел схватить барана, а другой стоял ближе к Каврэшу и, скаля зубы, как бы охранял своего товарища от собаки. Тут я вспомнил приемы, которым учил меня отец. Я, как пуля, полетел

к костру, зажег чурку и, когда она разгорелась ярким пламенем, бросился к волку, который уже тащил овцу в сторону. Увидев, что я вернулся с огнем, мой пес подбодрился и бросился на второго волка, но тот не струсил. Началась жестокая борьба. Мне было жаль Каврэша — я бросил овцу и побежал выручать своего друга. К этому времени Каврэш уже успел подмять волка под себя, но серый так ловко вцепился ему зубами в горло, что Каврэш больше визжал, чем волк. Надо было спешить. Палку с пылавшей чуркой я держал в левой руке, а правой поднял камень. Когда я подбежал, Каврэш стал сильнее жать волка. Я поднес горящую чурку прямо к носу врага и одновременно со всей силой ударил его камнем в бок; волк вырвался и стремглав бросился в ущелье. Каврэш был спасен.

Между тем первый волк успел увлечь овцу далеко в туман; дрожа от волнения, я побежал туда и вскоре нагнал хищника, который волок свою добычу. Увидев меня, волк подошел к большой скале, подпер овцу под камень и оскалил на меня зубы. Чурка перестала уже гореть пламенем — я был безоружен, а волк смотрел на меня злыми, горящими глазами, скалил зубы и, казалось, вот-вот кинется. Хорошо, что я не растерялся. Ощупью, стараясь не путаться в движениях и в то же время не сводя глаз с волка, я начал разжигать вторую чурку и надевать ее на палку. К счастью чурка разгорелась довольно быстро, и я перешел в наступление. Увидя сильное пламя, волк отошел от овцы и оцетинился, щелкая зубами. В эту минуту раздался громкий лай — Каврэш мчался ко мне на выручку.

Положение сразу переменялось. Мой верный товарищ напал на волка, и я одновременно метнул в него камень, но к сожалению промахнулся. Тогда я опять стал наступать со своей чуркой, которая горела большим, ярким пламенем, и ткнул огнем в самую морду животного. Волк испугался. Он стремительно побежал и в мгновение ока скрылся в кустарнике, который рос на скалах. Сражение было окончено: враг бежал.

Я подошел к овце. Бедняжка дрожала от страха, и в трех местах была искутана волком. Когда мы вернулись к стаду, я сразу увидел козу, лежавшую на земле; она была разорвана волком на несколько частей.

Собрав перепуганное стадо, я пригнал его поближе к костру. Я устал, ослабел, и ощущение голода вернулось, мучительно-сильное. Я рылся в золе дрожащими руками. Где моя картошка? Картошки не было — она сгорела до тла. Это была горькая минута, и я чуть не заплакал.

Делать было нечего, и я покорился своей судьбе. Я покормил Каврэша, отрезав ему кусок мяса от растерзанной волками козы; себе я не взял мяса и, измученный, голодный, вернулся вечером в село. Мясо я честно принес хозяину козы, которым на мою беду оказался молоканский пресвитер. Он страшно обозлился, загнал меня в конюшню и так сильно избил, что я не в силах был уйти — так и остался лежать у него в конюшне. Отец разыскал меня и с трудом привел домой.

По обычному праву пастух не отвечает за гибель скота от волков, если он не в силах был с ними справиться или в случае нападения целой стаи. Это вполне понятно, потому что пастух не имеет огнестрельного оружия. Но кулак Селиверстов как старшина общества молокан не хотел считаться ни с какими обычаями и законами. За растерзанную волками козу он потребовал — и получил — весь мой годовой заработок — пять рублей с копейками.

Лишившись своих заработанных денег, я был вынужден наняться на зиму к кому-нибудь в работники за прокорм. Весною я думал опять приняться за свое любимое дело — пастушество. Мне долго пришлось искать места: никто не хотел меня брать, все говорили, что я слишком мал и не стою того хлеба, который съем за зиму. Однако после долгих поисков мне удалось поступить на работу к крестьянину Ивану, по прозвищу Дарчо, который взял меня на всю зиму за прокорм — денег он не хотел платить. У моего нового хозяина было много скота: 4 быка, 3 лошади, 2 же-

ребенка, 7 коров, 5 телок, 3 бычка, 28 овец и много разной домашней птицы. Хозяин поместил меня в конюшню, где я спал на лапase, сделанном из досок.

Работа была нелегкая: встать до рассвета, чтобы подмести конюшню, собрать весь навоз, наложить его на маленькие санки, отвезти на заднюю часть двора и аккуратно сложить в кучу; затем вычистить все колоды, из которых ел скот, и наконец самая трудная работа — приготовить для лошадей месиво. Мне было не по силам готовить месиво палкой, и я придумал другой, более легкий способ — влезал в колоду и размешивал тяжелую массу руками. Это делалось украдкой, чтобы не видел хозяин. Остальной скотине я задавал сена. Вся эта работа должна была быть закончена до рассвета.

Хозяин очень полюбил меня за аккуратную работу. Приходя поутру в конюшню и на скотный двор, он видел, что везде чисто, скотина накормлена. Работал я очень много и почти не выходил из конюшни; туда же мне приносили и еду. В комнате я обедал только по праздникам, и то не вместе с хозяевами, а после них, отдельно.

4. ЗАЧЕМ НУЖНА ВИЛКА?

Пришло лето, и я нанялся пасти телят вместе с моей сестрой Гоги, которая и сейчас жива и находится в Тифлисе. Лето прошло без неприятных приключений, и мы благополучно пропасли все стадо до осени. Однажды случилось так, что учительница нашего села попросила отца отпустить меня в г. Карс, за семь километров от Александровки, чтобы выполнить некоторые ее поручения. Отец согласился. Учительница дала мне мешок и письмо к мужу, который был чиновником в Карсе и жил там с двумя сыновьями, учениками реального училища. Получив 15 копеек за труды, с письмом в кармане, я закинул мешок на плечи и весело побежал в город.

Не без труда отыскал я дом по адресу. Войдя, я увидел

во дворе двух мальчиков, которые весело играли, и догадался, что это сыновья нашей учительницы. Я протянул письмо одному из них. Он крикнул:

— Папа, от мамы письмо.

Отец сейчас же вышел, распечатал письмо и, прочитав его, позвал меня. Дети тоже прибежали со двора и, пройдя в другую комнату, стали между собой шептаться и с удивлением на меня поглядывали. Мне становилось неловко. Вскоре со двора пришли соседские дети и еще какие-то женщины; все они набились в комнату и не спускали с меня глаз. Я был в недоумении. Впоследствии мне объяснили причину такого необыкновенного внимания к моей особе: учительница сообщила в письме, что я курд. Они бесцеремонно разглядывали меня, как невиданного зверька. Некоторые заговаривали со мной, задавали разные вопросы, на которые я быстро отвечал.

Очевидно в письме были поручения, потому что муж нашей учительницы немедленно отправился в город за покупками, а я вышел во двор вместе с мальчиками. Во дворе дети окружили меня, предлагая поиграть с ними. Но игры городских детей мне не были знакомы, и я молча стоял в стороне. Когда отец вернулся с базара, мальчиков позвали в комнату обедать, а мне дали обедать на кухне. Прислуга, толстая, краснощекая женщина, поставила передо мною суп, а рядом с тарелкой положила ложку, вилку и нож. Я был очень поражен: я не знал, для какой цели положены вилка и нож. Подумав, я решил, что это детские игрушки — подарок для меня. В деревне я видел большие вилы, которыми накладывали сено на возы, и эти маленькие вилы очень мне понравились. Я съел первое и второе блюда ложкой и, встав из-за стола, с удовольствием положил нож и вилку в карман. Краснощекая прислуга, которая все время за мною следила, сказала об этом хозяину. Тот пришел на кухню и с удивлением посмотрел на меня, но ничего не сказал про вилку и ножик, а только спросил, готов ли я идти в обратный путь. Я ответил утвердительно: я был рад вернуться

домой. Несмотря на вкусный обед и интересный подарок, я чувствовал себя как-то тягостно и неловко: все здесь было чужое и незнакомое, и как неприятно было чувствовать, что все на меня смотрят!

Муж нашей учительницы вынес из комнаты завязанный мешок и две больших коробки, которые предложил мне положить в карманы. Он сделал это нарочно, чтобы посмотреть, как я выйду из положения. Но я ничуть не смутился, а достал преспокойно из кармана вилку и нож и стал засовывать их за пазуху, чтобы освободить место для коробок. Тогда хозяин дома спросил:

— Куда же ты берешь нашу вилку и ножик?

— А разве вы не подарили их мне? — сказал я удивленно.

— Конечно нет. Кто же тебе их дарил?

Он был изумлен, а я наконец рассердился.

— А для чего же вы их положили передо мной, когда я садился обедать? — сердито вскричал я.

Между тем дети уже успели рассказать новость соседям, и в кухне опять набралось много народа; все с любопытством слушали мой разговор с хозяином.

— Ножик и вилку тебе подали только для еды, — сказал хозяин, — а не для подарка.

После такого ответа я смутился, покраснел, не зная, что ответить, и заплакал.

Среди женщин, собравшихся на кухне, была армянка, которая подошла и стала меня расспрашивать. К счастью я знал армянский язык и мог с ней сговориться. Я объяснил ей сквозь слезы, с обидой и возмущением в голосе, что вот эти игрушки — я указал на нож и вилку — они мне сами подарили, а теперь говорят, что я их взял.

— Это не игрушки, — сказала армянка, — это тебе подали только для обеда.

Недоразумение разъяснилось, и некоторые из присутствовавших рассмеялись; другие смотрели на меня с жалостью. Хозяин велел прислуге дать мне пару старых вилок, но я был горд и отказался наотрез — я чувствовал себя

оскорбленным. Хозяин ласково уговаривал меня принять подарок, и я в конце концов смягчился. Драгоценные вилки я засунул за пазуху. Через несколько минут хозяин принес мне письмо для передачи учительнице, я вскинул мешок на плечи и тронулся в обратный путь.

Всю дорогу я раздумывал о неприятном недоразумении, но все-таки был рад вилкам и придумывал, как я буду играть с ними. По дороге я несколько раз доставал свои маленькие вилы, любовался ими и пробовал подбирать разбросанную около дороги солому.

День был хороший, и я довольно скоро пришел в деревню. Учительницу я застал во дворе вместе с дочерью. Она стояла около сарая и вела крупный разговор со стариком-сторожем относительно пропажи дров. Заметив меня, она прекратила разговор и пошла навстречу мне. Я передал письмо и коробки. Читая письмо, учительница сначала улыбалась и наконец расхохоталась так, что дочь подбежала к ней и стала расспрашивать, в чем дело. Учительница рассказала ей историю с вилками, и обе долго смеялись. Я отдал ей мешок. Она похвалила меня, сказав, что я толковый мальчик, и отпустила домой.

5. ПЕРВАЯ УЧЕБА. МОЯ МЕТРИКА

Дня через два учительница, прогуливаясь со своей дочерью, подошла к нашей сакле. Я выбежал им навстречу. Учительница ласково улыбнулась и спросила, где отец. Я тотчас же вызвал отца, который, сняв шапку, учтиво поклонился. Учительница просила отца, чтобы он мне разрешил наняться в училище сторожем за три рубля в месяц. Отец с радостью согласился, и мы сразу пошли в школу. Учительница повела меня сначала в сарай, где хранились дрова, потом в класс, и указала, в чем будет заключаться моя работа. Я обязан был ежедневно подметать двор и классную комнату, вытирать пыль на партах и подоконниках, протирать окна и двери, топить печи, приносить свежую воду в

бак для питья, утром и вечером ставить самовар для учительницы, бегать в город по ее поручениям.

В первый же день, очутившись в классной комнате, я с восхищением начал рассматривать развешанные по стенам картины. Чего здесь только не было! Птицы, звери и насекомые, географические карты, которых я совершенно не понимал, — все мне нравилось. Одно было нехорошо: рядом с красивыми птицами висела какая-то непонятная и вместе с тем страшная картина. Она изображала человека, у которого был голый череп с оскаленными зубами и большими дырами вместо глаз и носа; человек этот состоял из одних костей. Мне казалось, что это портрет нечистой силы, которой нас иногда пугали дома. Впечатление было так сильно, что, проходя мимо скелета, я закрывал глаза, а по вечерам, с наступлением темноты, боялся оставаться в классе. Мне очень хотелось спросить учительницу, что означает эта картина, но по застенчивости я так и не решился спросить. Вскоре я однако заметил, что школьники не обращали никакого внимания на скелет, и это меня успокоило. Мало-помалу и я привык к нему и бесстрашно становился рядом, когда хотел полюбоваться яркими птицами на соседней картине.

В первый день, когда я возвратился домой после работы, отец, мать и вся семья с радостью окружили меня, и я рассказал подробно, что делал и что видел. Отцу все не верилось, что мне будут платить ежемесячно три рубля; он часто повторял, что по рублю в месяц и то хорошо. Но вот прошел первый месяц моей службы — учительница позвала меня и дала три рубля. Писать я конечно не умел, и за меня расписался ученик старшего отделения — Щетинин Никифор. Передавая мне деньги, учительница сказала, чтобы я купил себе хороший пиджак и шапку — тогда она примет меня в школу, где я буду учиться с другими учениками. Отец согласился купить мне более приличную одежду, но учиться не позволил, думая, что, когда я поступлю учеником в школу, мне перестанут платить жалование. Мне купили

старые брюки, шапку и большой, не по росту, пиджак: в этом костюме я уже меньше выделялся в классе, чем в своей старой, оборванной одежде. Потихоньку от отца я поступил в школу учеником и занимался чрезвычайно усердно, исполняя одновременно обязанности сторожа. Учительница показала мне, как чистить обувь и производить разные домашние работы. Я охотно исполнял все работы в ее доме, и она всегда была довольна мною. Несмотря на мой новый костюм, молоканские мальчишки не хотели сидеть в школе рядом со мной; они говорили, что я слишком грязен. Пришлось учительнице посадить меня на отдельную парту.

В младшем отделении школы, куда я был помещен, я начал изучать буквы. У меня была большая охота к учению, и я воспринимал быстро. Учительница часто подходила к моей парте и смотрела, как я старательно выводил буквы; ее похвала подбадривала меня, и я делал большие успехи. Мы

изучали азбуку по буквам, наклеенным на картон, подбирали и укладывали картонки так, что получались слоги, которые я усердно заучивал.

Я очень подружился с дочерью учительницы Марусей, хотя она была моложе меня почти на пять лет. Маруся была очень милая и добрая девочка. Училась она во втором отделении школы, умела хорошо читать и писать. Она с большой охотой помогала мне изучать буквы и составлять из них слоги и целые слова. Обе мои учительницы — и большая и маленькая — удивлялись моим способностям и радовались моим быстрым успехам.

Я очень полюбил Марусю и по утрам, когда приходилось топить печи в классе и в комнате учительницы, ходил на цыпочках, чтобы не разбудить девочку.

Однажды утром, перед началом занятий, я принес в комнату самовар, поставил его на стол и хотел удалиться, но учительница остановила меня, а Маруся с торжественным видом и блестящими от удовольствия глазками преподнесла мне подарок — букварь. На книге была надпись, которую я к сожалению еще не мог прочитать. Я сиял от восторга, я бесконечно рад был этому подарку и не знал, как выразить свою благодарность. Когда ученики пришли в класс, я уже сидел с гордым видом за партой, на которой лежала моя собственная книга.

Покончив с занятиями и работой, я взял букварь подмышку и стремглав помчался домой поделиться своей радостью с братьями и сестрами. Мое появление с книгой произвело впечатление. Домашние меня окружили, с большим вниманием рассматривали книгу и слушали мой рассказ. Однако сестры не поверили, что я получил такую хорошую вещь в подарок, и стали говорить родителям, что наверно мне дали книгу вместо жалованья за второй месяц. Я уверял, что букварь подарен мне бесплатно, но они не хотели верить, и на следующий день старшая сестра отправилась вместе с матерью к учительнице, чтобы удостовериться, действительно ли я получил книгу бесплатно или сам купил ее за деньги, которые должен был получить за службу.

Учительница подтвердила им, что книга мне подарена; при этом она подметила, что сестра и хочет и не решается еще что-то спросить.

Угадав ее мысли, она прибавила, что учит меня бесплатно и ни копейки не удержит из моего жалованья. Она сказала, что я очень послушный и способный мальчишка и что на рождество она привезет мне из города старую одежду своего сына.

Чувствуя уже некоторую почву под ногами, я решил заниматься еще больше, чтобы поскорее прочитать книгу, по-

даренную Марусей. Как-то раз Маруся спросила меня, что я успел выучить в новой книге, и открыла первую страницу. Я быстро прочитал: «Ма-ша наша, Са-ша, ау, уа, оса, оси» и т. д. Она побежала к матери и сказала ей, что Шамиль уже научился читать. Учительница подошла ко мне и, выслушав мое чтение, погладила меня по голове, похвалила и сказала:

— Ну, теперь ты скоро научишься читать.

Меня так сильно тронули похвала и ласковые слова учительницы, я так смутился, что щеки у меня покрылись сильным румянцем, и я чуть не заплакал от радости. Наконец то успех!

Ведь я так старался, у меня было такое сильное желание научиться читать и писать.

С Марусей я дружил, но молоканские дети меня недолюбливали — и били, и обижали, и мешали заниматься. Маруся была моей защитницей; она вступалась и уговаривала детей оставить меня в покое.

Так началась моя учеба в сельской школе.

Летом, когда занятий в школе не было, я нанимался в пастухи, но теперь в моей сумке, вместе с ломтем хлеба, лежала книжка, по которой я повторял пройденное. А зимою я опять учился в школе и попрежнему исполнял обязанности сторожа. По способностям я был первым учеником в классе и получал хорошие отметки, пятерки и четверки, но по закону божьему у меня была тройка — этот предмет мне не нравился, и я не хотел его изучать. Таким образом я окончил сельскую школу, где научился бегло читать и писать.

Однажды отец достал свою большую сумку, связанную из шерсти, по-курдски «хурджин», вынул из нее связку старых, истрепанных бумаг и велел мне отыскать паспорт. Дело было весной, и паспорт был нужен, потому что мы хотели переселиться в село Владикарс. Гордый своей грамотностью, я внимательно перечитывал все бумаги и между прочим напал на документ следующего содержания:

ПРИКАЗ

Приказываю всем сельским и общественным старшинам оказывать всемерное содействие Шамо-Али-оглы в розыске кобылицы серой масти, арабской породы, с тавром на левом заднем бедре. Не исполнившие настоящего приказа будут привлечены к строгому наказанию.

Пристав Кизильчакчакского участка *(подпись)*.

Письмоводитель *(подпись)*.

Я очень удивился. Разве отец был прежде начальством? Ведь в приказе говорилось, что все старшины должны под страхом наказания оказывать ему содействие! Отец засмеялся и объяснил мне, что много лет тому назад он был пастухом в селении Кизильчакчак, где проживал участковый пристав. Однажды пропала кобылица, принадлежавшая приставу, и отец никак не мог ее найти. Тогда пристав, который очень дорожил своей собственностью, дал отцу письменный приказ, и при содействии старшины действительно удалось найти пропавшую кобылицу. Отец прибавил, что приказ был написан в день моего рождения, и таким образом эта дата 23 октября 1898 г. случайно оказалась моей метрикой. Вообще же у курдов нет метрик, потому что они не ведут записей родившихся.

Вскоре после того, как я окончил сельскую школу, мы покинули Александровку и переехали сначала в село Владикарс, а год спустя — к курдам, где опять занялись пастушеством.

В курдских деревнях пастушество резко отличается от молоканского, и мы очутились в совершенно иных условиях — в гористой местности, среди кочевников с их своеобразным укладом жизни.

6. У КУРДОВ. ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК „БАРО-ДАН“

Уклад жизни в курдской деревне совершенно иной, чем в русско-молоканских селах, где занимаются преимущественно хлебопашеством. Курды — скотоводы и живут в горах, изобилующих прекрасными пастбищами с травянистой сочной растительностью. Горные пастбища — богатство края:

здесь пасутся и тучнеют тысячи и десятки тысяч стад. Зимой горы покрыты снегом, и подчас довольно глубоким, но с первыми весенними лучами природа быстро оживает: снег тает, земля пропитывается влагой, склоны гор покрываются зеленью и множеством разнообразных цветов. В горах не так душно и жарко, как в долинах; поэтому трава летом не засыхает, одни травы сменяются другими; цветы отцветают, а на их месте появляются другие. Скот имеет все время обильный корм и пасется целый день, не изнывая от жары. От оводов, крупных мух и других насекомых он страдает гораздо меньше, чем в долинах: в горах, в лесных зарослях водятся скворцы, воробьи и другие птицы, которые целыми стаями носятся вокруг стад, уничтожая оводов и мух.

Как только снега растают, на их месте появится зелень, и деревья начнут распускаться, курдская деревня вся воколыхнется.

С раннего утра начинается суматоха: курды со своими стадами собираются переходить в так называемые «долга» — места, где происходит отел мелкого рогатого скота, по-курдски «баранты».

В долга курды старательно ухаживают за молодыми животными, подкармливают их как можно лучше, чтобы барашки скорее подросли, окрепли и с наступлением жары в силах были перенести утомительный переход в горы.

В горах, на летних кочевках, курды объединяются в своеобразные коллективы. «Оба» — небольшая община, объединяющая на летний период от 40 до 80 хозяйств для совместной пастбы скота на горных пастбищах. Во главе обы стоит «оба-баши», самый богатый и влиятельный член общины; он ведает всеми делами обы, распределяет и уплачивает налоги, указывает места пастбы и определяет момент перегонки скота с одной кочевки на другую. Должность эта выборная и почетная: все беспрекословно подчиняются оба-баши. Оба-баши — всегда глава рода и кулак, т. е. хозяин над бедняками и батраками; поэтому от пастухов требуется, чтобы они, кроме своих прямых обязанностей, исполняли бесплатно

всю работу по пастьбе и уходу за скотом оба-баши. Они должны по утрам пригонять и крупный скот и баранту оба-баши к кочевкам, пересчитывать животных каждый вечер и сообщать об этом хозяину, по утрам убирать «аглы», огороженные места для овец, относить весь мусор и навоз подальше от кочевки.

Мы нанялись пастухами в село Каркала, куда прибыли еще зимою, в феврале, и, как только в долинах появилась трава, собрали скот и погнали его на долга.

По местному обычаю, по прибытии на долга, после первого приплода, каждый богатый курд режет барана, устраивает обед и приглашает на него всех соседей, а также молодежь и пастухов. Хозяин и хозяйка усердно угощают всех. После обеда, который всегда устраивается на воздухе, убирают столы, и молодежь поет народные песни и пляшет вместе с пастухами. По окончании празднества все приносят хозяину благодарность за угощение и пожелания, чтобы его хозяйка получала за лето много масла и сыра, чтобы чума не пристала к скоту и летняя пастьба закончилась благополучно. В этот день хозяева расщедрились и дали нам столько хлеба и мяса, что вся наша семья питалась в течение четырех дней. Праздник этот называется по-курдски «саре-пэз», что значит «начало приплода». Я видел его первый раз в жизни и был в восхищении, но отец с матерью улыбались и говорили, что «саре-пэз» еще не очень большой праздник, а вот скоро будет «Баро-дан» — лучший день в году. Я ждал «Баро-дана» с великим нетерпением.

Как только молодые барашки подросли и окрепли, а снег в горах начал таять сильнее, оба-баши назначил день «Баро-дана», т. е. выступления из долга на горные пастбища. Приготовления начались за неделю, и вот наконец наступил торжественный день. С раннего утра все начали наряжаться в лучшие праздничные одежды. Девушки, одетые как можно ярче, в богатые разноцветные платья, украшали головы венками из свежих полевых цветов и вдевали в нос «карафилы» — круглые золотые пластинки величиною в пять рублей

или больше, к которым прикреплено раздвижное золотое колечко. Богатые курды прокалывают своим дочерям в детстве нос и по праздникам вдевают им карафил. Затем курды начали украшать своих овец, баранов и коз букетами из крашеной шерсти, а к ошейникам лучших баранов подвешивали медные колокольчики с разноцветными украшениями. Потом смешали маток с молодыми барашками, составив таким образом стадо, и установили порядок шествия.

К тому времени, когда приготовления были закончены, солнце уже успело довольно высоко подняться над горизонтом.

Небо было чисто и безоблачно, в воздухе чувствовалась приятная теплота весеннего дня, запах цветов и распустившихся почек.

Наконец наступил торжественный момент: все приготовления были закончены; оба-баши дал сигнал к отправлению. Во главе «Баро-дана» стал главный пастух, одетый в лучший свой пастуший костюм, со свирелью в руках. Он исполнял роль командира: давал молодежи указания, как поступать с молодыми барашками или с матками, не принимающими своих ягнят. За главным пастухом поставили самого высокого и красивого козла, по-курдски «нери»; на шее у него висел самый лучший колокольчик, который, как мне объяснили, хорош тем, что звенит на самой высокой ноте. В последний момент перед отправкой каждый хозяин (другими словами— кулак, к которому мы нанялись) произносил, обращаясь к пастухам, следующее заклинание. «Поручив свое стадо тебе, я поручаю тебя богу, чтобы ты честно и добросовестно исполнял свое дело и хорошо охранял мое стадо».

Когда все заклинания были произнесены, главный пастух заиграл на свирели, и шествие тронулось. Стадо в полном порядке шло за пастухом в сопровождении всей молодежи; подпаски и дети бежали по бокам и зорко наблюдали, чтобы порядок шествия ничем не нарушался; палочными ударами или особым свистом подпаски указывали каждому барану его место в стаде.

Прошло много лет с той поры, когда я увидел в первый раз шествие «Баро-дана», но впечатления того дня все еще памятливы мне. Как сейчас, вижу перед собой сияющие лица детей, молодежи и пастухов, слышу их песни. Ярко пестрят «архалухи», «ойма» и «бешметы», нарядные костюмы девушек и цветочные венки на их головах, разноцветные украшения на овцах и баранах. Всюду — яркий солнечный свет. Вся долина покрыта зеленью, а вдали виднеются горы, еще покрытые снегом. Блеяние овец и барашков, песни пастухов и молодежи далеко разносятся по долине, и все жители выбегают из своих жилищ, чтобы полюбоваться веселым шествием.

Такие шествия бывают только два раза в году: весной, когда стада уходят на летние кочевки, и глубокой осенью, когда они возвращаются домой. Не надо забывать, что все богатство курдов — в стадах, на них сосредоточены все их помыслы и заботы. Хороший удой не только обеспечивает курда на весь год запасом масла и сыра, но дает ему возможность продать в городе излишки этих продуктов, а также и шерсть и некоторую часть своего стада на мясо. Он

может уплатить налоги и обеспечить свою семью городскими товарами. Неудивительно поэтому, что передвижение скота на летние кочевки и возвращение его на зиму — самые важные события в жизни курдской деревни, и дни «Баро-дана» — самые торжественные дни в году.

7. НА ЛЕТНИХ КОЧЕВКАХ

Путь до первой кочевки был не близкий. Молодежь, пройдя шумной гурьбой пять-семь километров, повернула обратно и разошлась по домам, а пастухи и подпаски, нагруженные съестными припасами, медленно продолжали свой путь. Первый день делали обыкновенно небольшой переход, увеличивая его с каждым днем, чтобы молодые барашки не очень уставали и постепенно привыкали к ходьбе.

Стада следовали друг за другом на небольшом расстоянии. На первом привале животным дали отдохнуть и подкормиться, а в это время мой отец как старший начал делить поровну подаренные хозяевами продукты: хлеб, мясо, халву, сушеные фрукты. Отец исполнял обязанности старшины всю дорогу и на первой кочевке до прихода хозяев. В пути все пастухи собирались по вечерам к отцу за советом. Вопросов было много: сколько делать остановок для отдыха баранам и главным образом молодняку? Сколько раз останавливаться для водопооя? Делать ли дневки для отдыха овцам и молодым барашкам?

На первой кочевке мы недолго оставались одни: дня через четыре прибыли наши хозяева с семьями и немедленно занялись устройством своих черных шатров, по-курдски «кон». Кон — большая палатка из полотнищ, сотканых из козьей шерсти. У богатых курдов коны были большие, разделенные на несколько комнат, убранные коврами и кошмами; имелась особая комната для гостей и отдельная кладовка для молочных припасов: масла, сыра и творога. У менее состоятельных кон был гораздо меньше и состоял из одной комнаты для жилья и отдельной кладовки.

Палатки были разбросаны отдельно или небольшими группами по склонам гор или же в ложбинах и ущельях, где громоздились скалы и с шумом стекали горные потоки и ручьи. Издали группы конов можно было принять за небольшие деревни или военный лагерь.

В больших потоках и речках водилась форель, которая в это время года пробиралась к верховьям для метания икры. Местами из скал пробивались чистые холодные родники. Все чувствовали себя бодрее, веселее, и работа исполнялась легко и охотно. Дети наших хозяев проводили целые дни на открытом воздухе; они резвились, ловили форель в соседних речках, собирали травы.

Не такова была жизнь пастухов. Здесь, в горах, наши единоплеменники, кулаки-курды, эксплуатировали нас не меньше чем молокане. Мы вели ту же жалкую, несчастную жизнь. Из долин мы пришли в горы по камням и скалам почти босиком; сгоняя баранов и разыскивая их меж кустов, мы совершенно изорвали свое платье и ходили такими же оборвышами, как и у молокан. Из овечьей шерсти «колос» отец сваял мне шапку, но она была очень груба, натирала уши и шею; эта шапка причиняла мне сильные страдания, а от холода, от палящих лучей солнца и от дождя она была плохой защитой. Весь мой багаж состоял из войлочной бурки, «клаве шванье», в которую я укутывался на ночь, мешочка с солью и куска хлеба, неизменно черствого; был еще медный котелок, в который я набирал воду для питья. Иногда я выпрашивал у пастухов кружку парного молока; о горячей пищи нечего было и думать. И все-таки мне жилось несколько лучше чем другим; я имел возможность хоть раз в две-три недели прибежать домой, где мама давала мне горячий обед. Отец и братья пасли овец гораздо выше в горах, среди утесов и скал, где не было ни дорог, ни тропинок, куда не мог добраться крупный рогатый скот. Они по месяцам не приходили домой.

Я имел в своем распоряжении ослика, на котором должен был отвозить домой случайно заболевшего или сломавшего

себе ногу барашка. На этом ослике я перевозил свой багаж. Все пастухи проводили круглые сутки под открытым небом. Во время дождя или грозы я укрывался под выступами скал или в небольших пещерах, а то просто сидел в какой-нибудь сырой яме, дрожа от холода, не имея огня, чтобы хоть немного обсушиться. Неделями, иногда месяцами, я не слышал человеческого голоса.

Живя среди дикой природы, мы на каждом шагу сталкивались со смертельной опасностью — оберегали овец от нападения волков, от разбойничьих банд, от обвалов и громадных каменных лавин, которые скатывались иногда с самой вершины горы с потрясающим шумом и грохотом; такая лавина сметала буквально все, что попадалось на ее пути. Мы целыми днями ходили по самым крутым склонам гор, по краям обрывов и пропастей, отгоняя своих баранов и овец от опасных мест; зорко наблюдали за тем, чтобы не было пропажи, убытка для хозяина. Напевая веселые песни или посвистывая беззаботно, мы иной раз, подобно диким козам, перепрыгивали со скалы на скалу, не думая об опасности; но стоило лишь посмотреть вниз, в глубокий обрыв или ущелье, где далеко-далеко внизу неслись бурные потоки, — становилось так страшно, что иногда даже начинала кружиться голова. Мы жили, можно сказать, на краю гибели, но зато наши мускулы развивались и крепили, а все органы чувств обострялись. Зрение у пастухов было чрезвычайно острое. Мы моментально замечали, если кто-нибудь, днем или ночью, подкрадывался к стаду; мы слышали малейший шум, почти неуловимый шорох, раздававшийся вблизи стад, и немедленно принимали нужные меры.

8. НАШИ ИГРЫ

Время от времени пастухата разрешали себе удовольствие: пригоняли свои стада поближе друг к другу и с увлечением играли. Некоторые из этих игр были знакомы нам с детства, а другие мы сами выдумывали. Игры заключались

преимущественно в танцах и пении. Например мы брались за руки и становились в круг; один из участников был запевалой, а другие хором пели одну из любимых наших песен, делая ритмические движения и двигаясь по кругу. Для примера приведу отрывки из наших песен:

Эй, эй, пастушок
С пальцами-золотыми,
Играющий на свирели,
Эй, мама, пастушок
Плохо пасет стадо.
Мама, отдай меня за пастуха,
Папа, отдай меня за пастуха.
За калым я отработаю у вас...

Утро. Солнце уже встало,
А у моей красавицы золото блестит на лбу.
Для своей красавицы после семилетнего пастушества
Я куплю пояс („кямар“), сделанный из серебра...

Мы пели также старые народные песни о героях, которые храбро сражались, чтобы захватить для своего племени лучшие пастбища и кочевки, и сложили свои головы в неравном бою. Знали мы и другие народные песни, более недавнего происхождения; в них воспевались герои, которые отдали жизнь за народ в борьбе против турецкого ига и против русского правительства — и не только умершие герои, но и живые, которые где-то там, далеко от наших пустынных гор, продолжали борьбу за свободу своего народа.

Играли мы еще в особую, чисто пастушескую игру «зе-зе», которая заключалась в следующем: каждый из играющих ставил вертикально на ступню нож или палку и изо всей силы отбрасывал этот предмет далеко в сторону; один из играющих должен был, повторяя все время «зе-зе-зе...» и не вдыхая в себя воздуха, быстро собрать все брошенные предметы; если он вдыхал воздух, не успев их собрать, то считался проигравшим.

Иногда мы устраивали борьбу: выбрав из каждого стада самых крепких, драчливых молодых барашков, мы наталкивали их друг на друга, и между ними начинались драки. Выигрывал тот, чей баран выходил победителем из борьбы.

Эти совместные игры устраивались укрادкой от хозяев, которые не позволяли нам собираться близко со своими стадами. Нам было строго приказано держаться подалеже друг от друга, чтобы овцы имели больше травы, быстрее откармливались и жирели. Мы лишь изредка нарушали этот запрет и чаще всего находились на далеком расстоянии друг от друга; в одиночестве главным нашим развлечением была свирель, на которой все мы играли довольно искусно.

Свирель, по-курдски «блур», служила нам для разных целей: так например одной определенной мелодией мы собирали баранов в стадо, другой — звали их на водопой, третьей — собирали заблудившихся. Мы постепенно приучали их различать звуки и мелодии. Когда барашки были еще совсем маленькими, мы уже гнали их на водопой под особую мелодию, которой в других случаях никогда не наигрывали. Когда мы давали им соли, чтобы они побольше ели травы, это делалось опять-таки под определенный мотив, который означал, что они должны быть в сборе и пастись; в других случаях они этого мотива не слышали. Наши барашки быстро привыкали к звукам свирели и хорошо разбирались в том, какой именно мотив мы играем и что он означает. Среди барашков у нас были любимцы, которым давались ласковые прозвища: «каве», «ккурре», «карккаше».

9. ЗАГОТОВКА МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ

Мы ходили по горам со стадами, а наши хозяева в это время были заняты переработкой молока в продукты, спо-

собные выдержать продолжительное хранение и перевозку. Делалось это конечно самыми первобытными способами.

Например приготовление масла у курдов — тяжелый, мужительный труд, который выпадает на долю женщин. Хозяйки сливают все надоенное за день молоко от коров, овец и коз в большие медные котлы, «казаны», вместимостью от двух до десяти ведер. Казан ставят на огонь, а когда молоко вскипит ключом, снимают с огня и дают молоку немного остыть. Приблизительно каждые десять минут хозяйка пробует указательным пальцем температуру молока; когда молоко остынет до температуры, требуемой для закваски, хозяйка вливает в каждый казан по столовой ложке кислого молока и каждый казан тщательно покрывает «елоп», особым шерстяным паласом. К утру все котлы заквашены, и хозяйки сливают кислое молоко в кожаные бурдюки, «мэшк», которые плотно завязываются. Затем начинается самая тяжелая работа: бурдюки надо толкать то в одну, то в другую сторону, подбавляя время от времени холодной воды, до тех пор, пока не собьется масло. Когда этот момент наступит, — а наступает он не скоро, и много-много сил уходит на эту томительно-однообразную работу, — все содержимое выливают из бурдюков в особые конические холщевые мешки, в которых масло отжимается. Затем готовое масло вынимают из мешка, промывают свежей водой, солят и складывают в особую посуду.

Остаток от масла, по-курдски «дау» (что значит «пахтанье»), идет на приготовление творога, «торак»; его подсаживают, приправляют разными травами и, когда он совершенно створожится, выливают в холщевые мешки и отжимают под грузом. Сыворотка идет телятам, а отжатый торак плотно складывается в бурдюки. Торак — основа питания у курдов. Богачи запасают его в больших количествах, по 10-15 бурдюков за лето, а бедные заготавливают один-два бурдюка на семью.

Сыр готовится не менее первобытным способом. Женщины сливают в казаны выдоенное за день молоко, обя-

зательно цельное: по понятиям курдов, приготовить сыр из снятого молока — большой грех. Затем молоко кипятят и заквашивают последом. Для этой цели курды при ягнении овец собирают последы, тщательно промывают их с квасцами и сушат. Высушенный послед разрезается на кусочки, величиною приблизительно в медный пятак, которые и кладутся в казаны при приготовлении сыра. Закваска идет быстро: молоко свертывается через 15-20 минут. Затем содержимое выливают из казанов в специально приготовленные редкие холщевые мешочки, которые завязываются и укладываются на гладкую каменную плиту. Большой тяжелый камень, положенный на эту плиту, заменяет пресс. Спрессованный сыр вынимают из мешков в виде плоских кружков и подсушивают на вольном воздухе.

10. ВОЗВРАЩЕНИЕ С ЛЕТНИХ КОЧЕВОК. ОСЕННИЙ ПРАЗДНИК „БЭРАН-БЭРДАН“

Летние кочевки курдов, передвижения их стад с места на место, отнюдь не случайны. Весною естественно снег раньше всего начинает таять в долинах; в горах он стает постепенно, начиная с нижних склонов, освобождая каждую неделю все большие пространства, которые благодаря обилию влаги и жаркому солнцу быстро покрываются расти-

тельностью. Следуя за отступающим снегом, кочевники со своими стадами забираются все выше и выше в горы. Осенью, приблизительно со второй половины октября, начинается обратное движение. В долинах идут дожди, высоко в горах появляется снег — и курды со своими стадами начинают потихоньку спускаться с гор, уходя от наступающего снега; при этом они попадают на места своих прежних кочевков и не боятся этого: они знают, что за лето на старых пастбищах успела вырасти новая трава. Так, отступая все время от снега, стада глубокой осенью спускаются наконец в долины, где еще нет снега, а если он иногда и выпадает, то быстро сходит днем, под лучами солнца. Однако в конце концов снег выпадает и в долинах, стада со своими хозяевами возвращаются на зиму домой.

Курды празднуют это осеннее возвращение стад как радостное событие, потому что миновали привольные, но вместе с тем и опасные дни летних кочевков, стада вернулись в целости и близится для пастухов расчет за летнюю работу, а для хозяев — крупные прибыли. Однако этот праздник никак нельзя сравнить с весенним «Баро-даном»: в нем меньше оживления и искренней радости. Смена времен года сильно отражается на настроении курдов. Это особенно заметно, когда наступает осень с ее пасмурными днями, дождями и туманами. Думаю, что и животные чувствуют предстоящую перемену. Когда я гнал в долины своих баранов, которые

так хорошо отъелись и окрепли за лето, мне всегда казалось, что животные идут, уныло понуриив головы, словно сожалея, что окончилась летняя жизнь и начнется для них длительное тоскливое стояние в загонах, в тесноте и скученности.

Но конечно жизнь с ее нуждами и хлопотами берет свое. Каждая хозяйка, возвращаясь домой, уже в пути начинает обсуждать со своими приятельницами, удачное ли было лето. Женщины подсчитывают, сколько каждая из них заготовила масла, творогу и сыра; кулаки с недоброжелательством и завистью говорят о бедняках, которые, усердно работая, собрали от меньшего количества скота относительно много масла и сыру. Мужчины рассчитывают, сколько каждый из них, без ущерба для своего хозяйства, может продать масла, сыра, шерсти, сколько пшеницы и ячменя он купит на вырученные деньги. Кочевники-курды, занимаясь главным образом скотоводством, сами ничего не сеют и вынуждены покупать хлеб; поэтому вопрос о ценах на зерно имеет для них большое значение. Обсуждается также вопрос об организации зимней пастбы, так как курды не заготавливают сена, а в зимнее время выгоняют каждый день свой скот на подножный корм. Молодые хозяйки рады похвастать друг перед дружкой; каждая рассказывает, какие вещи она успела выменять у проезжего спекулянта: платки, иголки, нитки, пуговицы, спички, разные украшения для головных уборов.

Юноши и девушки сообщают друг другу свои секреты. Они рассказывают, кто и кого именно наметил себе в женихи или невесты и договорились ли окончательно о женитьбе. Влюбленные говорят о том, как счастливо прошло для них лето, вспоминают кусты и цветы, близ которых сиживали вместе, родники, из которых пили вместе холодную и прозрачную воду, или лунную ночь, под покровом которой, среди гор и цветов, они проводили самые счастливые минуты своей молодой жизни; вспоминают те места, где они на свободе, вдали от зорких глаз родителей, смеялись и играли,

плясали, пели вполголоса свои любимые песни и где наконец в решительную минуту поклялись именем «хуадея» всю жизнь оставаться верными друг другу. Девушки показывают подругам подарки жениха или возлюбленного: серебряные или медные кольца, иногда позолоченное зеркальце или разноцветные бусы. И молодые люди в свою очередь показывают полученные подарки: носовые платочки, бисерные кошельки, воротнички и манжеты для рубаш, вышитые разноцветными шелками; вязаные шерстяные носки или перчатки. А кругом — поблекшая трава и засохшие цветы, на деревьях желтые листья; небо хмурится, и резкие порывы ветра заставляют ускорять шаги.

Так медленно подвигаются курды со своими семьями, своим добром и стадами по размякшим от осенних дождей грязным грунтовым дорогам, пока наконец не доберутся до зимних жилищ. Здесь на скорую руку хозяйки устраиваются опять на зиму, убирают привезенные с гор припасы, пересчитывают скот и приводят в порядок хозяйство.

Наступает праздник «бэран-бэрдан», которому больше всех рады пастухи и подпаски, потому что в этот день кончается срок их службы и они получают вознаграждение за свой летний труд. В день «бэран-бэрдан» всех маток отделяют в особый загон и пускают к ним племенных баранов, которые все лето паслись отдельным стадом; это делается для того, чтобы весной следующего года все овцы принесли молодых барашков одновременно.

В тот момент когда баранов пускают к овцам, курды стреляют из ружей и винтовок, как бы праздную свадьбу своих овец. В этот день готовят разные кушанья: «мртоха» — халва, «гата» — сдобные сладкие лепешки, «каурма» — жаркое, и приглашают гостей на обед, а затем собирают бедняков, которым хозяйева раздадут кушанья.

Девушки снимают с головного убора свои шелковые платки и накидывают их на шею своим любимым баранам, а молодые люди подходят и снимают эти платки в знак того, что они любят этих девушек и согласны взять их в

жены. Отцы и матери внимательно замечают, кто из юношей снял платок их дочери: они знают, что молодые люди сговаривались летом и что дочь их согласна выйти замуж за того, кто берет ее платок. Если нет препятствий со стороны родных, то происходит помолвка, а спустя некоторое время устраивается и свадьба. Конечно родители обычно отдают предпочтение богатым женихам, и в прежнее время мало кто из богатых хозяев согласился бы отдать дочь за пастуха.

После праздника «баран-бардан» хозяева производили расчет со своими пастухами. Взрослый пастух получал за летнюю службу от 8 до 12 барашков, а подпасок — от трех до пяти. По местному обычаю, с каждых 20 овец пастух получал одну; по этому расчету, если у кулака-хозяина было стадо в 200-250 голов, он давал пастуху 10-12 голов, что представляло собой более чем скромную плату за тяжелый и опасный труд пастуха. Но кроме того курдский кулак ухитрялся эксплуатировать нас еще и другим, окольным, путем: он входил в соглашение с менее состоятельными соседями и брал за плату их небольшие стада на летнюю кочевку; по мелочам набиралось еще 200-300 овец, которые паслись вместе с его стадом. Пастух, отвечая за целостность этого добавочного стада, не получал никакой дополнительной платы от хозяина.

И все же, несмотря на низкую оплату труда, мы считали, что лучше жить у курдов, чем у молокан: за гибель овцы, растерзанной волками, курды ничего не вычитали из жалованья и не били пастуха так жестоко, как молокане. Кроме того каждый пастух имел право зарезать для себя в течение лета одну овцу по указанию хозяина, и это было большим подспорьем в нашем нищенском быту.

11. ПРОПАВШИЕ БАРАНЫ. СМЕРТЬ БРАТА

На следующее лето мы нанялись пасти баранов в то же село Каракала, у помещика Барое-Авди. Мы взяли пасти всю его баранту своими силами, т. е. отец, два брата и я.

Работали мы дружно, во всем слушались отца, сами шли к нему за советом. Отец уже был стар, ему трудно было ходить в поле за скотом; поэтому мы сами исполняли всю работу, не желая, чтобы старик мало спал и утомлялся. Однако отец был не очень-то сговорчив: он соглашался отдыхать только днем, а по ночам он, не вполне доверяя нам, сам караулил стадо. Он часто повторял, что молодые люди не в состоянии бодрствовать всю ночь, а тут как раз и подкрадется вор с винтовкой да и угонит несколько штук баранов, да и волки могут подобраться к стаду — на одних собак полагаться нельзя. Как только начинало смеркаться, отец одевался потеплее, брал свой старый дробовик, который заряжал крупной дробью, накладывал патрон и отправлялся в ночной караул. Всю ночь он обходил стадо, тихо посвистывая и зорко вглядываясь в темноту. Сторожевым собакам он указывал места, где лежать и караулить; только главная овчарка Байлас ни на шаг не отходила от него.

Однажды, проснувшись утром, мы заметили, что исчез старший брат, Бро; его долго разыскивали, но нигде не могли найти. Так мы и остались вдвоем с младшим братом караулить и пасти стадо. Месяца три спустя курды сообщили нам, что брат Бро нанялся пастухом в другое село. Отец немедленно отправился туда и действительно нашел брата, но Бро не захотел вернуться. Он отказался наотрез, говоря, что дома он жил впроголодь: слишком уж велика семья; лучше работать одному — по крайней мере сыт будешь. Отец и мать очень горевала об уходе брата. Ведь Бро был кормильцем семьи: кроме своего пастушества, он в свободное время ходил с матерью в город и в соседние села побираться. При нем жилось гораздо легче. Однако, как ни горевали родители, как ни упрашивали, — Бро не вернулся. Он все лето прослужил пастухом в другом селе.

Лето прошло благополучно, но осенью случилось несчастье: из нашего стада пропало три барана. Отец долго искал их, но все было напрасно. В отчаянии он отправился к ворожее, которая, проделав все свои штуки, сказала, что

баранов украл пастух Мирза-Тамо-оглы. Отец отправился к нему с бранью и настойчивым требованием немедленно возвратить украденных баранов и возместить отцу понесенные им убытки. Бедняга-пастух клялся, что баранов никогда не брал, но ему не верили, потому что верили ворожее. Рассерженный отец отправился к Усу-беку, главе того рода, к которому принадлежал пастух. Но всемогущий бек, как оказалось, сильно злоупотреблял своей властью. За то, чтобы принять отца и выслушать его жалобу, он потребовал барашка. Пришлось дать. На приеме отец мой заявил беку, что, по гаданию ворожеи, трех баранов украл Мирза-Тамо-оглы. Как ни клялся перед беком несчастный бедняк, который и на самом деле никогда не был вором, глава племени признал, что Мирза-Тамо-оглы виновен, и потребовал с него трех баранов, которых, вместо того чтобы отдать отцу, взял себе. Отец был поражен и обижен этим странным решением; он многократно ходил к беку с просьбой выдать ему баранов, но тот конечно не соглашался. Наконец бек пригрозил отцу, что если он еще раз посмеет явиться к нему за баранами, то будет арестован и избит так, что жив не останется. Отец знал, что это не пустая угроза. Он испугался и перестал ходить к беку. Мы были уверены, что бараны безвозвратно пропали, а вместе с ними пропал и весь наш летний заработок. Мы не раз проливали слезы, говоря, что несчастья сваливаются на нас одно за другим, как тяжелые камни.

В один прекрасный осенний вечер мы все трое, т. е. отец, брат Давреш и я, ужинали, сидя в поле: ели хлеб и запивали парным молоком; в это время к нам подошел совершенно незнакомый курд. Курды соблюдают обычай гостеприимства не только в доме, но и в поле; поэтому отец, надоив свежего молока, напоил и накормил гостя, приготовил ему постель на своей кошме и спросил, чем может быть ему полезен. Гость, поблагодарив за угощение и сердечный прием, рассказал, что дней сорок тому назад к его стаду пристали три чужих барана, которые и до сих пор с

ним пасутся; он же из расспросов узнал, что бараны повидимому из нашего стада, и пришел сообщить об этом.

Мы несказанно обрадовались этому известию и не знали, как отблагодарить гостя, который оказал нам такую большую услугу. Мы разговорились. Оказалось, что наш спаситель — такой же бедный батрак, как и мы, — сам когда-то переживал такое же несчастье. Помня свою беду, он пожалел нас и не поленился притти.

На следующее утро я отправился вместе с ним за баранами. Когда мы подошли к стаду, вокруг меня собрались все пастухи и подпаски, предлагая мне узнать своих баранов.

Оглядев издали громадное стадо, я конечно не мог отличить своих баранов. Тогда я поднялся на высокую скалу и сразу указал на трех баранов, которые как бы чувствуя себя чужими в этом стаде, отделились от него и паслись в стороне.

Пастухи похвалили меня за догадливость и назвали хорошим пепором. Затем они приняли меня как гостя и угостили пастушеским жарким. Зарезав молодого, хорошо упитанного барашка и сняв с него шкуру, они разрезали мясо на куски, которые пересыпали мелко накрошенной душистой травой и дикой луковицей и затем уложили обратно в только что снятую шкуру. Между тем подпаски уже успели выкопать неглубокую яму, в которую осторожно опустили шкуру с мясом; яму забросали землей и развели над бугорком большой костер. Когда через два-три часа костер совершенно прогорел, пастухи осторожно отгребли огонь и землю и, аккуратно развернув овчину, стали перекладывать мясо в котелки.

Приятный запах свежеподжаренной баранины, смешанный с запахом трав и лука, возбуждал наш аппетит, тем более, что мы с утра почти ничего не ели. Травы были так ароматны, мясо казалось таким сочным — мы с нетерпением ожидали того момента, когда можно будет приняться за еду. Между тем пастухи торжественно, неторопливо рассаживались в круг, и я из приличия тоже не должен был обнаруживать своего нетерпения. Как вкусен был этот обед!..

Отец счел нужным отправиться немедленно к Мирза-Тамо-оглы и просить у него извинения. Он уговаривал его отправиться к беку и взять у него своих баранов. Но все- сильный бек не считался с такими бедняками, как мы или Мирза-Тамо-оглы, и конечно оставил баранов у себя. По-страдала от этого дела, кроме Мирзы-Тамо-оглы, еще и ворожея: слух об ее обмане распространился по всему округу, и престиж ее среди курдов совсем упал: никто к ней больше не обращался.

Прошло лето, и наступила глубокая осень со всеми туманами, дождями и холодным, режущим ветром. Брат Давреш стал жаловаться на боль в голове и боках. С каждым днем он чувствовал себя хуже, все чаще жаловался на боль в груди. Он едва плелся за стадом, и ясно было, что силы его покидают. Наконец он слег. Отец сходил за «экимом», знахарем, который посоветовал ему хорошо протопить тундырь, зарезать барана и, завернув брата в свежеснятую шкуру, продержать его в теплоте над тундырем; это лечение надо было проделать два раза. Родители в точности выполнили предписание экима. Кроме того знахарь пускал брату кровь, варил известку с молоком и этой смесью обкладывал больному грудь, но и это лечение не приносило пользы — брат угасал. Опечаленный отец не раз обращался к духовным лицам «пирам» и «шейхам», но разве могли они

помочь больному? Давреш вскоре умер. Лишившись помощника, старик-отец уже не решался брать на свое попечение большое стадо, — он стал заниматься к хозяевам, у которых стада были небольшие; с этой работой он справлялся без помощника. Я же по его совету отправился в город, чтобы наняться куда-нибудь хоть в сторожа. Решение это было правильно, потому что пастушество не могло обеспечить нашего существования: мы давно уже жили впроголодь.

12. В ГОРОДЕ. ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Наши соседи-курды собирались в город — продавать ячмень и пшеницу. В городе они хотели закупить сахар, чай, мануфактуру и другие припасы, необходимые на зиму.

Мать приготовила мне хлеба, спшила дорожный мешок, починила мою одежду, и я с обозом ночью отправился в путь. По дороге я подгонял быков и вообще охотно исполнял всякую работу. Через два дня мы приехали в Карс.

Город Карс расположен под горой, на которой стоит большая крепость, построенная еще турками. Карс перешел во владение России после войны 1877—1878 гг. Русские приложили много усилий, чтобы очистить его от вековой грязи и бродячих собак, которых турки не уничтожали: они считали этих грязных голодных псов священными животными. Крутом Карса, на высоких горах, выстроены военные форты, и сам Карс — военный город. Мне очень понравились красивые двух- и трехэтажные дома, вымощенные улицы и зеленые сады, но больше всего меня привлекали магазины. Я не мог оторваться от больших окон, где было столько разнообразных и красивых вещей. В поисках работы я исходил почти весь город и хорошо изучил его.

Поселился я в «хане» (постоялый двор) и, вместо того чтобы платить за ночлег, чистил каждое утро конюшню и подметал двор. Каждый день я ходил искать работу и все неудачно. Между тем деньги мои подходили к концу, оставалось лишь 25 копеек. Кто-то посоветовал мне пойти на

пемзовый завод, который недавно был открыт в селе Александровском, где мы раньше пастушествовали. Я отправился туда и на заводе встретил молоканских мальчиков, с которыми учился в школе. Они хорошо отнеслись ко мне и помогли мне устроиться. Меня поставили на работу: собирать в ящики выкопанную пемзу; не менее полутора года мальчиков и девочек, моих сверстников, было занято этой работой.

Дело было нетрудное, и я скоро привык. Работали мы от зари до зари, т. е. не менее 11½ часов, а зимою по 10 часов, за 30 копеек в день. Вскоре мне удалось устроить на эту же работу двух своих сестер, Гоги и Чичак. Я быстро научился разбирать куски пемзы по качеству и был назначен сортировщиком с оплатой 10 рублей в месяц. Когда приехали сестры и поступили на работу, мы поселились вместе и вели более чем скромный образ жизни, откладывая каждую копейку для родителей. На этом заводе я проработал около двух лет, и здесь меня застала империалистическая война.

Осенью 1914 года, когда я еще работал на заводе, в село Александровское прибыл 3-й Кизляро-гребенский казачий полк, который раскинул свои палатки около завода. Я часто ходил после обеда в полк, брал у казаков обед, остатки каши и приносил домой, а сестры радовались, когда я приходил с добычей, и мы с удовольствием поедали эти остатки.

По воскресеньям я ходил с казаками на реку купать лошадей и часто помогал им в работе. Меня очень полюбили и казаки и некоторые офицеры, которые бывали дежурными по полку. Узнав, что я хорошо владею турецким, армянским, курдским и русским языками, они предложили мне остаться при полке в качестве переводчика; я принял это предложение с большой охотой. На следующий день командир полка вызвал меня к себе для переговоров и предложил 25 рублей в месяц. Сестры мои плакали и просили не покидать их. Однако возможность получать 25 рублей в месяц оказалась сильнее их слез, и я решил отправиться с полком. Я взял трехдневный отпуск, чтобы отвезти сестер

домой и, добросовестно исполнив эту обязанность, немедленно возвратился в полк и приступил к работе. На мне лежала обязанность переводить сельским старшинам то, что мне говорили офицеры и должностные лица, а также переводить на русский язык их ответы. Кроме того я должен был спрашивать направление дорог, присутствовать при покупке фуража и продовольствия, вести переговоры с торговцами.

Через неделю мы двинулись в путь через город Кагызман в Сары-Булах, на турецкой границе. Сначала мы ехали по шоссе, затем командир решил идти по прямому пути, через села. Это была трудная задача: мне пришлось работать и за переводчика и за проводника, расспрашивать местных жителей и разузнавать дорогу. Нередко мы отправлялись в путь в ночное время, и ориентироваться в гористой местности, сплошь пересеченной глубокими ущельями, было очень трудно: всюду перекрещивалось множество троп и дорожек, престопанных скотом. Местные крестьяне относились враждебно к русским войскам и часто давали неверные сведения. Так, однажды местные турки и курды обманули меня. Когда обнаружилось, что мы на неправильном пути, полковой адъютант, вспыхив, ударил меня два раза нагайкой, хотя я не был виноват.

Местность, по которой мы продвигались, восхищала нас своей живописностью, но ехать было тяжело: каменистые россыпи, крутые спуски, обрывы и горные ручьи затрудняли передвижение. Полковые лошади еще не успели втянуться в марш, и пришлось сделать несколько дней, чтобы дать лошадям отдых, перековать износившиеся подковы и отремонтировать повозки. Кроме того каждый день делали остановки, чаще всего в небольших укромных долинах, для варки обеда и ужина. С места стоянки полк обычно уходил ночью, чтобы скрыть от турок наши передвижения. Пробыв в пути восемь дней, мы наконец подошли к турецкой границе. В Сары-Булах постепенно стягивались войска, располагавшиеся по ущельям в палатках, скрываясь таким

образом от турок. Отдохнув несколько дней, русская армия перешла турецкую границу, и в трех километрах от Сары-Булаха завязался бой. Грохот пушек, стрельба из винтовок и частая дробь пулеметов пронеслись по всему ущелью, производя непрерывный и страшный гул.

Наш полк шел в обход турецких войск; нужно было быстро выполнить задание — пересечь горный хребет и зайти в тыл турецким войскам двигаясь по возможности незаметно для неприятеля. И вот, во время этого обхода меня постигла крупная неудача: я сбился с пути, потому что кочевники-курды дали мне совершенно неправильные указания. В этих горах перекрещивались в разных направлениях сотни троп, протоптанных стадами в течение многих лет, и конечно курдам было очень легко обмануть меня. После этого случая доверие ко мне полкового начальства было окончательно подорвано. Меня заподозрили в обмане и уволили, уплатив за два месяца только семь рублей. Очень было жаль без всякой вины лишаться этого места. Но делать было нечего и жаловаться некому.

Полк ушел, и я остался в горах один, без оружия, в незнакомой местности.

Куда идти? Я решил обратиться обратно по ущельям в Сары-Булах, а оттуда в Кызнафар, где жил муж моей умершей тети. Жутко и страшно было идти одному по ущельям, где водились дикие звери. Я пошел скрепя сердце, утешая себя мыслью, что не первый же раз приходится мне идти навстречу опасности.

13. ЛЮБОВЬ И СВАТОВСТВО

Против ожидания, мое пешеходное путешествие обошлось без приключений. Я благополучно добрался до Сары-Булаха и оттуда прошел в Кызнафар, где скоро отыскал своих родственников. Дядя меня совершенно не знал; он только слышал от пастухов, приезжавших из Карской области, что я учился в школе и знаю грамоту. Меня приняли очень радушно, подробно расспрашивали о всей нашей семье, удивлялись, что я не побоялся пройти один почти 50 километров в горах. Я рассказал подробно, как работал на пемзовом заводе, как поступил переводчиком в полк и как потерял свое место.

У дяди я прожил около месяца, исполняя кое-какие домашние работы вместе со своей двоюродной сестрой Каре. Мы были молоды и за месяц совместной жизни сначала подружились, а потом крепко полюбили друг друга. Каре нежно упрашивала меня, чтобы я на ней женился или украл ее, если отец не согласится на наш брак. Бедняжка только и жила любовью ко мне, и я в свою очередь дал слово, что приложу все усилия к тому, чтобы жениться на ней. Но перед нами, как высокая гора Арарат, стоял проклятый вопрос: где взять калым? Ведь я был самым последним бедняком, не было у меня ни денег, ни скота! Мы знали, что отец Каре не отпустит ее без калыма. Много мы об этом думали и говорили, а Каре даже сложила сама песню, в которой проклинала всех тех, кто установил позорный обычай покупать жен. Нередко отец Каре вмешивался в наши разговоры. Он говорил, что и главный шейх и сам Магомет в свое время уплачивали калым за своих невест; значит, обычай этот разрешен аллахом. Каре возражала отцу, при чем рассуждала очень здраво. Она говорила, что отцы и родственники продают женщин, как рабочую силу, как скот, и в подтверждение своей мысли приводила отрывки из старых преданий. Кончались эти споры всегда слезами. Видя, что переубедить жадного старика невозможно, я прекращал разговоры, а наедине утешал Каре и уговаривал ее обождать; я

говорил, что, быть может, мне удастся опять поступить на службу и накопить денег на калым. Отец Каре был очень грубый человек; все соседи ненавидели его за грубость.

Село Сары-Булах, где был пограничный пост, сделалось большим этапным пунктом; туда приходили из России войска для дальнейшего следования на турецкий фронт. Село очень оживилось, и я каждый день ходил туда для развлечения, а возвращался только вечером. Каре всегда ждала меня с нетерпением и в течение дня десятки раз передавала через мимо проходивших курдов, чтобы я шел домой обедать, так как я голоден. Но я не был голоден, потому что многие солдаты меня знали как бывшего полкового переводчика и охотно угощали меня солдатским обедом.

Однажды, рано утром, к нашему дому подъехал солдат, вызвал меня и сказал, что комендант этапа, подполковник Эмерик, приказал мне немедленно явиться к нему, так как я нужен в качестве переводчика. Это известие очень меня обрадовало: мелькнула надежда на исполнение моего заветного желания жениться на Каре. Я быстро оделся и, не позавтракав даже, отправился в Сары-Булах. Оказалось, что за последние дни на этап стали прибывать большие транспорты с продуктами, и так как погонщиками и подрядчиками по доставке были местные крестьяне, не знавшие русского языка, то никто не мог объясниться с ними.

Приблизившись к обозу, я увидел, что сам комендант этапа стоит среди группы возчиков и никак не может понять, почему они отказываются ехать дальше. Расспросив крестьян, я узнал, что дорога очень тяжелая, а скот почти погибает от усталости. Я подошел к коменданту, вытянулся в струнку, приложив по-военному руку под козырек, и дал ему нужные объяснения. Комендант посмотрел на меня, улыбнулся и, подойдя поближе, спросил, хочу ли я служить переводчиком, на каких языках могу говорить, сколько получал в полку и почему был уволен. Я ответил, что владею турецким, курдским, армянским и русским языками, и объяснил причину увольнения из полка. Комендант удивился

мои познаниям и спросил, какое учебное заведение я окончил. Я ответил, что в течение нескольких лет жил среди этих народностей и, занимаясь пастушеством, практически изучил их языки, русской же грамоте научился в сельской школе, и показал свой школьный аттестат. Комендант принял меня на 25 рублей в месяц и приказал выдать мне полное обмундирование.

На новой службе я зажил хорошо, много работал, и все относились ко мне прекрасно. Этапный пункт обслуживала в это время 593-я Оренбургская дружина, состоявшая из стариков-ополченцев, которых все дразнили и называли в насмешку иисусовым войском. Ополченцы очень обижались. Я поинтересовался узнать, откуда пошло это прозвище, и солдаты мне объяснили, что все старики-ополченцы пошли на войну за царя и отечество и носят большие кресты на фуражках в знак верноподданства.

Иногда провиантские обозы опаздывали, и все войсковые части оставались без продуктов, самое главное — без мяса. В таких случаях интендант Андреев, фельдфебель Николаев, с которым очень подружился, и я, в сопровождении нескольких казаков, отправлялись в ближайшие села для закупки скота. Очень часто скот брали почти даром. На моих глазах интендант составлял фиктивные документы о покупке и заставлял крестьян расписываться в получении денег сполна, а в действительности выдавал им лишь незначительную часть; остальные деньги делились между ним и другими участниками покупки.

На этом этапе я провел зиму 1914 года и весь 1915 год. Имея при этапе полное содержание, я почти не тратил своего жалованья и все сбережения относил к отцу Каре, Саеро, в счет калыма. Я уговорился с ним уплатить 150 рублей, после чего получал право взять Каре в жены. Калым был незначительный, но Саеро согласился, объясняя свою сговорчивость тем, что я ведь не чужой, а прихожусь Каре двоюродным братом. Я начал постепенно выплачивать Саеро обусловленную сумму, что было довольно-таки тяжело,

Но желание поскорее взять Каре в жены помогло мне преодолеть все трудности. Уплатив последний взнос, я попросил коменданта дать мне на несколько дней отпуск, чтобы съездить домой, а затем взять в жены выкупленную Каре. Комендант охотно дал разрешение, и я немедленно отправился к Саеро. Я сказал ему, что Каре надо снарядить в дорогу: я хотел свезти ее домой к родителям, а затем вернуться на службу. Но тут случилось то, чего я никак не ожидал. Саеро отказался выдать дочь, мотивируя свой отказ тем, что я не заплатил калыма и теперь хочу взять Каре насильно, с оружием в руках. Когда я возразил с негодованием, что калым уплачен сполна, Саеро нагло усмехнулся и ответил, что никаких денег он не получил.

— При ком ты платил мне? Где твои свидетели калыма? Где сваты? — сказал мне Саеро.

Эти слова, как громом, поразили меня; я понял, что, воспользовавшись моей неопытностью и доверчивостью, Саеро хочет присвоить себе мои деньги, а бедную Каре он очевидно рассчитывал продать повыгоднее другому жениху. Я был возмущен до последней степени. На наш громкий разговор сбежались соседи, которые знали, что я выплачивал калым по частям. Они начали уговаривать Саеро, но он и слушать их не стал, а, рассчитывая на свою огромную физическую силу, бросился бить меня. Между тем я держал винтовку на плече и рукой придерживал приклад. Как только Саеро стал приближаться ко мне, я бросился бежать. Он — за мною, и, как только я перешагнул порог дома и очутился во дворе, он схватил винтовку за дуло и потянул к себе. Желая освободиться, я, не оглядываясь, рванулся вперед, и в этот миг раздался выстрел, которым Саеро был убит наповал.

Меня тут же арестовали и отправили к коменданту, а оттуда в село Кульчи, где жил пристав этого района. На допросе свидетели, в том числе Каре, подтвердили правильность моего показания и прибавили, что если бы Саеро не потянул винтовку за дуло, то я успел бы убежать и несча-

ства не произошло бы. По настоянию коменданта мое дело было разобрано в срочном порядке, через 11 дней. Я был оправдан на суде, но дальнейшие родственники Саеро грозили мне кровной мстью, и я не мог вернуться в этот район. Мне не пришлось даже повидаться с Каре: ее взяли родственники и увезли в деревню Мирак, в Александропольском (ныне Ленинаканском) уезде, Эриванской губернии. Так печально окончилась моя первая попытка жениться по курдскому обычаю, и так бесплодно пропали сбережения, скопленные с таким трудом. Впоследствии я узнал, что Каре вышла замуж и в настоящее время живет в городе Тифлисе.

14. В ТУРЦИИ. КУРДСКАЯ ПОЭМА „СИЯБАНД И ХАДЖЕ“

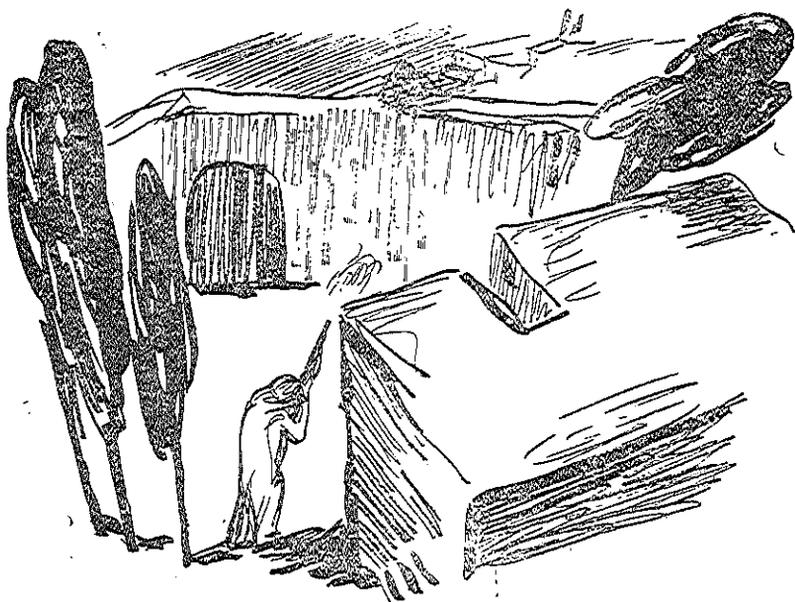
Несмотря на оправдательный приговор, вынесенный судом, я не рискнул вернуться в район Сары-Булаха, опасаясь встречи с родственниками Саеро. Я поступил благодаря рекомендации коменданта переводчиком в 1-й Лабинский казачий полк и отправился на войну в Турцию, часть которой была уже занята русскими войсками.

В турецких селах, на занятой русскими войсками территории, почти все жители остались на местах, и мне пришлось видеть издевательства и насилия, которым подвергалось население со стороны русских солдат и офицерства. Они очевидно считали, что на войне все допустимо: и разграбление имущества (в этом отношении особенно отличались казаки) и насилие над женщинами и малолетними девочками. Защищая себя от насилий, многие женщины вступали в бой с русскими военными чинами и по старым традициям, с кинжалом в руках, отчаянно охраняли свою честь. Мне хорошо запомнилось одно происшествие.

В селе Дерик, Антапского района (в Турции), жила моя единоплеменница, курдянка, которая с винтовкой в руках охраняла свою честь и имущество. Она организовала у себя женский отряд и не пускала в свой дом ни одного солдата, ни одного офицера. Между тем офицерская молодежь очень интересовалась воинственной красавицей.

Русские офицеры, получавшие по военному времени довольно большое жалованье, вели во время затишья на фронте весьма разгульную жизнь. По целым дням и тем более по вечерам и ночам шли попойки, азартная картежная игра; люди в пьяном виде постоянно безобразничали, а высшее начальство смотрело сквозь пальцы на их проделки, считая вполне естественным, что молодежи после строгой дисциплины закрытых учебных заведений хочется пожить попривольнее.

И вот однажды, после попойки, в прекрасную летнюю ночь, компания офицеров, увлеченных красотой и недоступностью курдянок, решила пробраться к ним в дом. Найдя ворота на запоре, они захотели перелезть через довольно

высокий забор, и один из офицеров немедленно начал взбираться на него. Веселая компания рассчитывала на то, что мужчин в доме нет. Но каково же было всеобщее изумление, когда раздался выстрел из винтовки, и пуля пролетела над головой предприимчивого офицера, прострелив фуражку и оцарапав только кожу! Офицер соскочил с забора и не решился больше возобновить свою попытку. Нашелся однако другой смельчак, которого этот случай только подзадорил; он решил попытать счастья и пробраться в дом с противоположной стороны. Его постигла та же участь: выстрелом из винтовки он был слегка ранен в плечо. Пораженные меткостью стрельбы и опасаясь, что на выстрелы могут обратить внимание полковые дозорные, офицеры во избежание скандала решили удалиться несолоно хлебавши.

Несмотря на эту неудачу, атака возобновилась через несколько дней: какой-то поручик опять попытался ночью забраться в дом красавицы-курдянки и тоже был ранен в тот момент, когда перелезал через забор.

Об этом последнем случае кто-то донес в штаб корпуса, и оттуда немедленно приехал комендант 4-го Кавказского армейского корпуса полковник Бениславский с несколькими офицерами для производства дознания. Я сопровождал комиссию, как переводчик. Когда мы подошли к дому курдянки, комендант послал меня вперед. Он поручил мне объяснить женщинам, что комиссия пришла, чтобы защитить их, а не для того, чтобы возвести на них вину. Дело было днем, и я пошел прямо через ворота. Как только я показался в воротах, на меня была направлена винтовка, но я сейчас же крикнул по-курдски «эзи-ж-воэмо», что значит «я ваш», почему и был пропущен во двор и даже в дом. Оказалось, что охраной дома руководит младшая невестка, действительно замечательная красавица; две старшие невестки и свекровь тоже были вооружены, но подчинялись указаниям своего молодого командира. Я объяснил им, что прибыл самый главный начальник, который узнал, что воинские чины безобразничают в селе; он не причинит им

зла, а наоборот, строго накажет виновных. Женщины удалились на совещание, но одна из них осталась, наставив на меня свою винтовку. После получасового совещания они заставили меня поклясться в верности своих слов и самое главное в том, что комиссия пришла к ним с честными намерениями. Я произнес торжественную клятву и после этого пошел к коменданту, которому передал, что курдянки согласны принять его. Комиссия допросила всех женщин, а также многих офицеров и казаков, которые были вызваны. Последние обвиняли курдянок в разных проступках и говорили довольно много вздора.

Дознание выяснило целый ряд безобразных поступков. Дело кончилось тем, что несколько офицеров было переведено с фронта в другие части, а к дому курдянок поставили часовых для охраны. Однако курдянки не ослабили своей бдительности и, кроме меня, никого не впускали в дом. Все это происшествие особенно отчетливо запечатлелось в моей памяти потому, что я искренне восхищался курдскими женщинами, которые сумели отстоять себя.

Прошло несколько недель, и мы двинулись дальше, в глубь Турции. Вскоре наша часть подошла к высокой горе Сапан-Дагу, которая не уступает по высоте Арарату. Величественный Сапан-Даг воспет в курдской поэме «Сиябанд и Хадже», которую мне не раз приходилось слышать от кочевников-курдов.

Передам вкратце ее содержание.

В давние времена на Сапан-Даге жил красавец Сиябанд, охотник из племени Зилли. Сиябанд влюбился в красавицу Хадже. Но охотник был беден и не мог по курдскому обычаю уплатить родителям калым, чтобы взять Хадже в жены. Сиябанд украл красавицу и увез ее в горы, где они счастливо и беспечно провели три дня и три ночи. На четвертый день случилось так, что Сиябанд заснул, положив голову на колени Хадже. В это время мимо пробежало несколько диких оленей, и один из них, самый высокий и красивый, отбил самку от стада и пошел с нею в сторону. Увидев это,

Хадже заплакала, и слеза из ее глаз упала Сиябанду на щеку. Он проснулся и, видя плачущую Хадже, сказал:

— Если ты неохотно пошла за меня замуж, то я буду тебе верен, как брат сестре, и отведу тебя домой к отцу и матери.

— Нет, дорогой Сиябанд, я люблю тебя и всегда буду тебе верной женой, а плачу я потому, что видела, как высокий и красивый олень отбил от стада самку, и ни один из остальных оленей не посмел отбить ее обратно. Этот олень такой же удалец, как и ты; я обрадовалась твоему удалству и заплакала от избытка счастья,—ответила Хадже.

Тогда Сиябанд спросил:

— Куда ушел олень с самкой?

Хадже указала, в каком направлении они поскакали, а Сиябанд сказал:

— Я охотник. На этой горе я никого не видел сильнее себя, и вдруг почти на моих глазах олень отбивает самку от стада; это для меня очень обидно.

Он вскочил на ноги и бросился бежать вдогонку за оленями. Как только он приблизился к оленю и прицелился из «тиркавэн» (курдский охотничий лук), олень подскочил, ударил его рогами и сбросил в ущелье. Там нашла его Хадже тяжело раненого и разбитого. Сиябанд лежал на дне ущелья, а Хадже склонилась над ним, горько плакала и в песне проклинала красоту леса, цветов, все великолепие природы; она проклинала воду родников, мелкие кустарники, фрукты и ту траву, которую щипал олень и которая дала ему такую силу, что он сумел победить Сиябанда. В припадке отчаяния она проклинала и летние кочевки, утопающие в лесной зелени, и прекрасный воздух, насыщенный ароматом горных цветов, и яркое солнце, освещающее Сапан-Даг, где было пристанище злого оленя. В этой поэме Хадже излила все свое горе, всю печаль. «Сиябанд и Хадже»—одна из самых поэтических и красивых поэм у курдов.

У подножья Сапан-Дага мы расположились лагерем в селении Бостан-Кая. В качестве переводчика мне часто при-

ходилось для закупки скота ездить в горы к курдам, жившим на летних кочевках. Ездил я также на наши посты, расположенные в горах для охраны лагеря от внезапных нападений турецкой кавалерии Гамадис.

16. „ПРОШУ ВАС, НЕ ДЕЛАЙТЕСЬ ЖЕРТВОЙ МОЕЙ ПУЛИ“. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

У подножия Сапан-Дага мы стояли недолго. Вскоре пришел приказ командующего армией о передвижении нашего полка, так как фронт благодаря успешным для русских боям ушел далеко вперед, в глубь Турции. Нам было приказано занять левый боевой участок от Кармунджа и Мелезгерта, севернее реки Евфрата. Один из офицеров с несколькими казаками и конечно со мною в качестве переводчика отправился вперед. Надо было заранее подыскать удобное место для разбивки лагеря, заготовить фураж и съестные припасы.

Проезжая по склону горы, мы увидели убежавшего курда, за которым гнались 10 или 15 человек; они непрерывно стреляли в него и каждый раз давали промах. Убежавший все время кричал своим преследователям:

— Прошу вас, не делайтесь жертвой моей пули. Что вы хотите от меня? Это дело прошлое.

Но в то же время, стреляя на бегу, он каждый раз убивал по одному из преследующих: на наших глазах он уложил трех человек без промаха. Казаки дали залп в этого молодца и фанили его в пятку; пришлось ему сдаться.

На допросе выяснилось, что причина преследования — кровная месть. Беглец, который всех нас восхитил своей смелостью и изумительно меткой стрельбой, убил когда-то человека и теперь случайно встретил в деревне родственников убитого. Они решили прикончить своего врага, зная, что он последний в роде и мстить за него некому. Они напали на него, но, несмотря на их численное превосходство, курду удалось убежать из деревни. Совершенно уверенный в меткости своей стрельбы, он не слишком боялся преследователей и кричал им в насмешку, чтобы они не делались жер-

твой его пули. Все преследователи были арестованы и отправлены в распоряжение начальника Мелезгертского округа, занятого русскими по праву войны, а раненый был помещен в военный лазарет, где совершенно выдечился и затем отправился домой.

Так протекала моя жизнь на фронте — в постоянных разъездах по курдским селам и кочевкам. В общем жилось неплохо. Но надвигалась зима 1915-16 года; жизнь с каждым днем делалась труднее. Наступали холода, и я стал подумывать о возвращении домой. В это время многие солдаты получали из дому тревожные письма. Писали, что на родине голод, потому что все мобилизованы и некому работать на полях. Писали также, что скот берут на убой, а солдатские семьи с малолетними детьми голодают. Такие письма очень волновали солдат, уставших от продолжительной войны. Все были недовольны и шопотом передавали тревожные вести. Пронесся слух, что на германском фронте положение с каждым днем ухудшается, что в лазаретах десятки и сотни тысяч раненых брошены на произвол судьбы, не говоря уже о семьях. Все были уверены, что причина наших поражений — предательство высшей администрации. Все ждали скорейшего окончания войны, и многие дезертировали с фронта.

По мере приближения к фронту наше положение становилось все хуже, и служить было труднее. Я числился вольнонаемным переводчиком и поэтому мог подать заявление об увольнении. Командир полка сначала ответил на мое заявление отказом, но я сказал, что обращусь в штаб корпуса, и через два дня меня уволили. Получив расчет за пять месяцев, я немедленно отправился в село Астаflu, Сурмалинского уезда, Эриванской губернии, на родину отца.

Все село было еще на осенних кочевках, и мне пришлось остановиться у дяди, который с радостью принял меня. Я прожил у него несколько дней и хорошо отдохнул, а затем отправился домой, в село Сусуз, Карской области, где мой отец попрежнему занимался пастушеством.

Возвратившись домой, я нашел своих родных в очень тяжелом положении. Мое двухлетнее отсутствие лишило семью работника, и хозяйство пришло в упадок. За это время мать захворала глазами и за отсутствием медицинской помощи обращалась к знахарям, которые «долечили» ее почти до слепоты. Она еще могла отличать свет от темноты и повидимому улавливала контуры предметов, но и только. Заниматься домашним хозяйством она уже совершенно не могла, и сестрам пришлось заменить ее в доме. Отец же, несмотря на свой преклонный возраст и постоянное недомогание, продолжал пастушествовать. Пас он преимущественно телят.

Когда я вошел в дом, мать узнала меня по голосу. Она бросилась обнимать, целовать меня и никому не позволяла

подойти. Она, бедная, не могла разглядеть мою солдатскую одежду и долго ощупывала меня со всех сторон, а потом опять гладила по голове и обнимала. Военная форма с пуговицами ее повидимому очень заинтересовала и понравилась ей. Осмотрев меня со всех сторон, она наконец разрешила сестре Гоги подойти и поздороваться. Слух о моем возвращении быстро распространился по селу. Родственники и знакомые приходили приветствовать меня. Отца не было дома, он пас телят в поле. Сестра пошла за ним и осталась при стаде, чтобы отец мог возвратиться домой и повидать меня, не дожидаясь вечера. Узнав о моем возвращении, отец, несмотря на свой преклонный возраст, бежал с поля до дома без остановки. Он прибежал, запыхавшись, со слезами на глазах, поцеловал меня и сказал:

— Что же ты меня бросил? Ведь я уже стар и не могу больше ходить за стадом.

После этого он сел, глубоко вздохнул и зарыдал. Тяжело мне было видеть слезы отца, хотя сам я, обладая крепкими нервами, не заплакал, а только вздохнул, увидя полную беспомощность его и тяжелое положение семьи. Затем я достал свои 80 рублей, сосчитал их и, передавая отцу, сказал, что этих денег им хватит вероятно на всю зиму. Отец сильно обрадовался деньгам: для него, привыкшего к очень скромному заработку, это был настоящий клад.

Стояла глубокая осень; летняя пастьба уже шла к концу. Срок был близок, и я решил заменить отца, чтобы дать ему хоть на короткое время полный отдых. Я взял свою старую пастушескую сумку и отправился в поле пастись телят. Вскоре однако выпал снег, и пастьба прекратилась. Я возвратился домой и, пробыв некоторое время в кругу своей семьи, стал думать о дальнейшей работе.

16. В ПАРТИИ

Распростившись с родными, я отправился в г. Саракмыш, Карской области, где поступил в качестве рабочего

в 6-ю Кавказскую инженерно-строительную дружину. Вскоре мое новое начальство узнало, что я владею местными языками, и через три недели назначило меня переводчиком.

Наша дружина строила узкоколейную железную дорогу в г. Эрзерум, который еще в феврале 1916 года был занят русскими войсками, стоявшими в то время в районе Эрдинджана. На постройке работало несколько тысяч рабочих разных национальностей: армяне, курды, осетины, турки; были и русские из Москвы и других промышленных городов России, мобилизованные для военных тыловых работ. Здесь я познакомился с русскими рабочими и ближе сошелся с Климовым, Михайловым, Поповым и молодым Шуркой Корневым, которого впоследствии встретил в Москве, где он служил в ОГПУ. Все они, кроме Корнева, были членами социал-демократической партии большевиков и работали в подпольных организациях. Повидимому я произвел на них хорошее впечатление: они дружили со мною и часто зазывали в свой кружок. До этого времени я не имел никакого понятия о подпольных кружках; это была моя первая встреча с активными революционными работниками. Приглашая меня к себе, партийцы давали мне поручения: передавать рабочим-инородцам, чтобы они работали не слишком усердно, а требовали прибавки жалованья. Я конечно выполнял поручения, а курды, турки и другие инородцы, занятые на дорожном строительстве, охотно подхватывали эти мысли и выставляли свои требования, которые я в качестве переводчика передавал высшему начальству. Уступая требованиям рабочих, начальство вынуждено было постепенно повышать заработную плату.

Московские рабочие давали мне революционную литературу. Благодаря чтению и постоянному общению с партийными работниками у меня открылись глаза, и я сделался непримиримым борцом за освобождение трудящихся от эксплуатации помещиков и буржуазии. Но в первое время я еще не понимал, в чем заключается разница между большевиками и представителями других революционных органи-

заций. Я считал, что внутренняя борьба революционных партий — большая глупость; мне казалось, что противоречия между партиями должны быть уничтожены и все революционеры должны объединенными усилиями стремиться к единой цели — свержению самодержавия, прекращению войны и освобождению трудящихся от гнета капитала. Я обращался со своими недоумениями к товарищам, и Климов прочитал мне целую лекцию и кроме того дал довольно объемистую брошюру, которую я прочел с большим вниманием. После этого я начал посещать конспиративные собрания большевиков, которые устраивались в лесу. Меня предупредили, что об этих сборищах никому нельзя говорить — иначе нагрянет полиция и всех нас арестует.

Таким образом постепенно расширился мой кругозор, работа партийных организаций начала меня увлекать, и я примкнул к большевикам.

Осень 1916 года имела для меня решающее значение — словно я вышел из тесного закоулка на широкий простор

Еще никогда в жизни я не испытывал такого чувства. И в детстве и в ранней молодости все мои помыслы и стремления были направлены на то, чтобы обеспечить хоть сколько-нибудь сносное существование себе и своим близким. Вся жизнь курдского пастушонка была заполнена трудом и мучительной заботой о том, как утолить свой голод. Но весной 1917 года во мне произошел перелом: кусок хлеба перестал быть главной и единственной целью моего существования, мои интересы стали шире и глубже. Я вошел в партию. Я вел серьезную работу, на мне лежала ответственность. Все это глубоко меня захватило, и я стал другим человеком.

The University of Chicago Library

